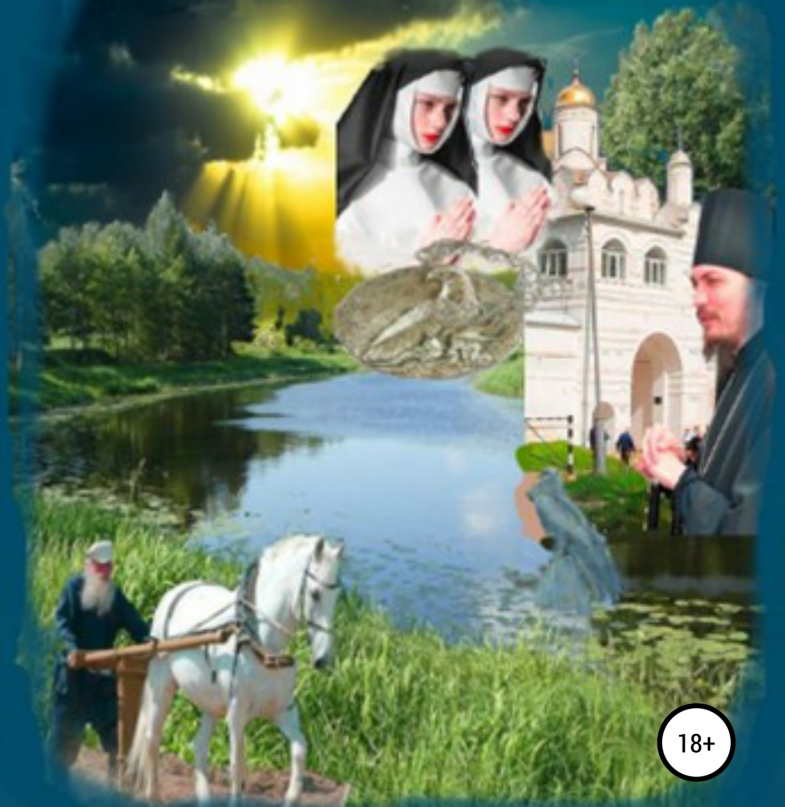

Юрий Панов

Медальон двух монашек

18+

Юрий Глебович Панов

Медальон двух монашек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=47750592

SelfPub; 2019

Аннотация

Странная смерть женщины из Москвы, оказавшейся в урочище Медвежий Куст на реке Елань Балашовского района поставила правоохранные органы в тупик, заставив их искать медальон двух монашек, одна из которых совершила кражу золотых червонцев из женского Покровского монастыря больше ста лет назад. И только узнав историю жизни города Балашова и крестьян в селе Малиновка того времени, удалось найти убийцу.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Странное убийство	6
Глава 1. Убийство в урочище Медвежий Куст	6
1.	6
Июнь 1993 года, г. Балашов	6
2.	8
Там же	8
3.	15
Балашов. Тот же день.	15
4.	17
Тот же день, Балашов	17
5.	19
На следующий день	19
6.	24
На следующий день, там же	24
Глава 2. Возвращение в родные края	26
1.	26
Июнь 1993 год, автостанция Балашов	26
2.	30
Тот же день, г. Балашов	30
3.	33
Тот же день. ж/д вокзал Балашов- Пассажирский-	33

4.		35
	Там же	35
5.		37
	Тот же день, с. Малиновка	37
	Конец ознакомительного фрагмента.	164

Пролог

Иногда смотришь, как кружатся в брачном танце бабочки-однодневки над водами Хопра, и думаешь: Вот она – жизнь Природы! И живут-то по сравнению с нами всего мгновение. И так из года в год одно и то же.

Возможно и Хопер – батюшка, и берега, и леса и земля Балашовская вот так же смотрят и на нашу скоротечную жизнь: Вот рождаются люди, растут, любят, проходят каждый своё испытание, рожают и воспитывают детей, и по-прежнему из года в год учатся на собственных ошибках! Так и не поняли, что они – часть Природы и не определили, что же в их жизни самое главное. А они лишь пылинки в этом водовороте жизни Природы, периоды которой иногда очень причудливо повторяются в нашей современности. И все-таки кто-то пытается противостоять, как может. Понять и найти свой путь. И в этом ему помогают Вера, Надежда и Любовь.

Эта история – размышление на эту тему.

Часть 1. Странное убийство

Глава 1. Убийство в урочище Медвежий Куст

1.

Июнь 1993 года, г. Балашов

Следователь Балашовской районной прокуратуры Светлана Владимировна Белавина шла, вздыхая. ранним утром по улице, потому что на всём пути ей встречались большие очереди за продуктами первой необходимости. И всегда такие очереди сопровождал громкий гул голосов, показывающих недовольство существующей властью. В магазин идти просто не было смысла – там полки были пустые. В местах пересечения улиц и, особенно, там, где был проспект, собирались стихийные рынки, где продавали всё, но за большие деньги.

Где-то кучковались люди с плакатами, протестующие против повышения цен в несколько раз при постоянном задержании зарплаты. Проходя мимо машиностроительного завода, она увидела табличку: «Завод закрывается по экономи-

ческим причинам».

— Ты, думаешь, только этот завод? — напомнил о себе внутренний голос. — И только у нас?

— Да в том-то и дело, что не только у нас и не только заводы! — ответила она ему, не скрывая своего сожаления. — А что делается в сёлах и деревнях, если в городе с населением в семьдесят миллионов такое творится!

— Может, как раз в деревнях и сёлах лучше обстоят дела! — отозвался внутренний голос. — Там люди привыкли рассчитывать только на себя! А здесь? Как выжить, если лишаешься места работы? Зарплаты? Ведь земли у собственников в многоквартирном доме нет!

— Что-то я сомневаюсь, что в деревнях и сёлах живётся лучше! — ответила ему Светлана. — Если уж в городе такой бардак, то в деревнях и сёлах подавно!

Рыночная экономика, которую проводило правительство страны, сразу же не нашла хорошего отклика у простых граждан, привыкших жить честно.

И шла Светлана Владимировна, грустно наблюдая последствия рыночной экономики, ещё не подозревая, какую гадость она принесёт лично ей в ближайшем будущем.

2.

Там же

Не успела она сесть на своё место, как раздался из громкой связи голос районного прокурора. — Светлана Владимировна! Зайдите ко мне вместе со своей командой! У нас очередной убитый!

— Ну, вот! — тут же отозвался внутренний голос. — Что я говорил? Нам эта рыночная экономика даст жару! Только в этом месяце уже пятое убийство!

— Хорошо, Дмитрий Васильевич! — не обращая внимания на ворчание внутреннего голоса, ответила она своему начальнику. — Сейчас будем!

Собрав со стола документы и спрятав их в сейф, а также взяв с собой новую папку с чистыми листами, она пошла сначала в комнату, где находилась её команда, а потом в кабинет к прокурору. В неё входили криминалист капитан Пал Палыч Васильев, два оперативных работника капитан Василий Семёнович Моргунов и старший лейтенант Пётр Николаевич Мошкин.

Когда в кабинете прокурора подполковника Дмитрия Васильевича Беловолодова собралась вся команда Светланы, он встал и произнёс. — У нас очередной убитый, но на этот

раз, совсем не там, где я ожидал. Это река Елань в месте пересечения ею урочища Медвежий Куст. Нашёл его утром фермер Иван Коростылёв прямо на берегу реки и тут же позвонил нам. Вам предстоит отправиться туда и разобраться в чём дело.

— Через Ивановку поедем? — спросил Светлану водитель следовательского уазика.

— Хотелось бы! — ответила ему Светлана. — А мы с Ивановки до Елани и урочища Медвежий Куст доберёмся?

— Там везде дорога плохая. — отозвался водитель, выезжая из ворот прокуратуры. — Но проехать можно!

Всю дорогу Светлане даже не хотелось думать над тем, кого они увидят. Ещё больше удивилась она, увидев на месте преступления женщину, которая лежала в трясине реки Елани, которая пересекала урочище Медвежий Куст.

Увидев подъехавших уазика и машины скорой помощи, фермер, который неподалёку окучивал поле, подошёл к ним и представился. — Марков Николай Петрович. Вот мои документы!

— Следователь Белавина! — представилась она, протягивая руку за документами. — Вы когда увидели её?

— Да вот час или полтора назад и сразу же позвонил в прокуратуру! — произнёс он. — Я к ней не подходил. Она как лежала, когда я увидел её из окна трактора, так и лежит сейчас!

— Как вы думаете, что она здесь делала? — спросила

Светлана, ещё надеясь хоть на какую-то информацию. — Она вам не знакома?

— Я близко к ней не подходил, хотя бы потому, что итак опаздываю с обработкой поля! — отозвался фермер. — И, знаете, с вами свяжись, потом горя не оберёшься: замучаете вызовами. А так, увидел, доложил, и взятки гладки! Я даже из трактора не выходил, и всё это время занимался обработкой поля.

— А, если она была жива ещё? А вы не оказали ей помощь, и она умерла? — почему-то такое отношение к людям ей стало встречаться всё чаще и чаще.

— Но я не звал её сюда! — резко отозвался фермер на замечание Светланы. — Согласитесь: это не магазин и не театр, куда люди ходят, чтобы отдохнуть! Чтобы сюда прийти, нужно победить бездорожье и достаточно большую дистанцию. А это значит, что шла она сюда сознательно, что-то ища очень важное!

Светлана согласно покачала головой и всё-таки спросила фермера ещё. — А вы не знаете возможных причин, из-за которых женщина могла бы прийти сюда?

— Раньше, лет сто назад, здесь было какое-то хозяйство женского Покровского монастыря. И что можно взять здесь? — задумавшись, произнёс фермер. — Но в двадцатых годах и монастырь, и хозяйство разрушили! Так что в настоящее время здесь ничего не осталось. Я сам из Ивановки, и этой женщины ни разу там не видел. Не представляю, что могло

бы заставить её оказаться здесь!

— Светлана Владимировна! — вдруг она услышала голос одного из оперов, окруживших место гибели женщины своей верёвкой. Они внимательно осматривали землю в пределах его и фотографировали. — Здесь была какая-то машина! Следы свежие!

— Ну, спасибо за информацию. Распишитесь за опрос. Вы можете быть свободны!

Показав ему лист бумаги, где была собрана вся информация о нём и получив его роспись, она, улыбаясь, попрощалась с ним. Но он, услышав про машину, никуда не ушёл. И даже с удивлением произнёс. — Но я не видел никакой машины с того момента, как оказался здесь!

— А во сколько вы оказались здесь? — это уже заинтересовало Светлану.

— Так, в пять часов было ещё темно, когда я выехал на поле. Полчаса, ну час добирался до этого места, и было уже светло!

— Хорошо! — кивнула ему Светлана и вдруг новая мысль пришла ей в голову. — А вчера вы здесь были?

— Нет, вчера я здесь не был, но был на другом поле. — с сожалением, что не может помочь такой приятной женщине, произнёс он. И попрощался. — Ну, я пойду!

Кивнув операм, после того, как они сфотографировали всё вокруг и женщину тоже, она обратилась к криминалисту, который тут же обнаружил её паспорт.

— Вероника Фёдоровна Мельникова! — произнёс криминалист, подавая Светлане паспорт. — Тридцать лет, не замужем! Прибыла к нам из Москвы. Можно грузить в машину санитарам!

— Пал Палыч, что же, выходит у нас убийство? — спросила Светлана криминалиста.

— Похоже, что так! — согласился криминалист. — Отвезём её в лабораторию. Они нам скажут, когда наступила смерть её.

— Василий Семёныч! Вам надо бы узнать, какая машина проходила по Ивановке в пределах трёх последних дней! — Светлана обратилась к старшему из оперов. — Может, кто-то из местных видел её номер. Так мы доберёмся до владельца!

— Пал Палыч, вы не разбирались, какой способ совершения убийства был в этом случае? — поинтересовалась Светлана.

— Судя по тому, что триангуляционная борозда у неё на шее имеется, и она нанесена на влажную кожу. Можно сказать, что задушили её после того, как она побывала в воде. Скорее всего, искала что-то в реке.

— Что можно искать в этом месте? — усмехнулась Светлана, и спросила. — А следы вокруг неё?

— И здесь есть интересный факт: свои следы кто-то тщательно убирал! — усмехнулся криминалист. — Во всяком случае — до машины.

— Пал Палыч, и как вы думаете, кто же был убийца?

— По характеру действий, убийца, скорее всего женщина.

— произнёс Пал Палыч. — Уж больно старательно убийца уничтожал свои следы! И, всё-таки, в одном месте имеется более сильное углубление на пятке следа. Такое впечатление, что там был каблук женской обуви!

— Ну, вы хоть его сфотографировали?

— Посмотрим, что она нам даст после распечатки! — качнув головой, Пал Палыч продолжал исследовать следы.

— Интересно, зачем нужно было ехать двум женщинам куда-то в урочище, в которое и местные стараются не ходить? — пробормотала Светлана, но всё же Пал Палыч её услышал.

— Скорее всего, это должно быть то, чего местные не знают. — ответил Пал Палыч на её вопрос. — А, давайте, порассуждаем? Допустим, что местные могут не знать?

— Ну, какие-нибудь случаи из жизни. Скажем в пределах двух поколений.

— Нет! В этом случае остаются ещё бабушки. А они-то всё это помнят!

— Ну, допустим, три поколения! — усмехнулась Светлана. — Это уже семьдесят пять лет будет! Это десятые- двадцатые годы этого века.

— А что здесь в пределах этого срока могло быть?

— Ну, фермер же сказал, что здесь до двадцатого года в Медвежьем Кусту было подсобное хозяйство женского По-

кровского монастыря.

— А, если учесть, что монастыри всегда были предприятием очень богатым?!

— Вы хотите сказать, что в каком-то подсобном хозяйстве были значительные деньги? — улыбнулась Светлана и тут же добавила. — Ой, Пал Палыч, не смешите меня!

— А если взять период с начала века? — усмехнувшись, Пал Палыч хитро посмотрел на Светлану. — А Японская и Гражданские войны? Кто-то беднел, а кто-то, наоборот, богател! И монастыри, как раз, в это время сильно поднажились золотишком!

— То есть, вы хотите сказать, что женщина искала здесь золото? Скажем, золотые монеты? — усмехнулась Светлана. И обвела взором необычную картину реки Елань с двумя или тремя плёсами реки метров по десять – пятнадцать шириной с кувшинками. Вокруг них большая травяная растительность не позволяла так просто подойти к реке.

— А что мешает нам здесь их поискать? — усмехнулась Светлана, и вспомнила о прокуроре. — Разве только шеф? Думаю, он сразу же отвергнет эту версию!

Пал Палыч отвернулся, чтобы продолжить свои поиски следов, а глаза Светланы никак не могли уйти от поверхности воды реки.

3.

Балашов. Тот же день.

Как только приехала команда, так их тут же вызвал к себе прокурор. Дмитрий Владимирович Беловолодов был невысоким худеньким и сухим чиновником, никогда не интересовавшимся большими деньгами с самого начала своей службы в качестве прокурора. Именно то, что ещё с советских времён он начал свою юридическую службу в качестве следователя, потом – заместителя и в конце много лет прокурором, не позволяла ему нарушать свой моральный долг перед людьми, несмотря на то, что больше Советского союза не существовало. В то же время, он со своими нерыночными взглядами являлся бельмом в глазу современного рыночного чиновничества, считавшего взятки непереманным условием жизни. За последние годы прокурор Беловолодов сильно постарел, о чём говорили его поседевшие волосы и настойчиво намекали рыночные чиновники.

— Светлана Владимировна! — обратился он к следователю. — Что накопили?

— Честно сказать, Дмитрий Владимирович, накопили мы мало! — без всяких проволочек, скептически заявила она. — Посудите сами: тридцатилетняя Вероника Фёдоровна

Мельникова, прибывшая к нам из Москвы, ни с того, ни с сего отправляется к нам в урочище Медвежий Куст, куда даже местные стараются не ходить! Не странно ли это?

— Ну-ну, продолжайте!

— Что-то ищет в воде. После этого кто-то душит её!
— Светлана, выплеснув всё, что думала, с интересом смотрела на своего разом задумавшегося руководителя, смотрящего куда-то в сторону отсутствующим взглядом.

— Ну, и ваши версии?

— Привезли её на машине. — Светлана посмотрела на Пал Палыча, ища поддержки, и тот кивнул ей головой. — Судя по всему, с ней была женщина, которая почему-то после того, как Мельникова побывала в воде, её задушила и оставила прямо на берегу реки.

— А что она искала в воде, установили? — в голосе прокурора явно замечался интерес.

— Да в том-то и дело, что на производство подводных работ нудно ваше отдельное распоряжение! — Светлана невольно повысила голос, акцентируя внимание на этом прокурора.

— Хорошо, я даю вам это разрешение! — кивнул головой прокурор. — А ещё по этому поводу какие-то версии есть?

— Свидетель-фермер, который нас дожидался, высказал мысль, что это могло как-то иметь связь с подсобным хозяйством женского Покровского монастыря, ликвидированного в двадцатых годах!

— Думаете, клад? — кивнул головой прокурор, улыбаясь.

— Всё возможно! — улыбнулась в ответ Светлана, сразу же сбросив с себя недоговорённость вокруг Медвежьего Куста. — Вот, проверим и узнаем!

— Хорошо! Можете идти!

И команда Белавиной с новыми силами взялась за это странное дело.

К концу дня на электронную почту отделения ФСБ по Саратовской области пришло письмо.

«Страннику. В урочище Медвежий Куст найдена мёртвой женщина тридцати лет из Москвы. Предположительно, это связано с каким-то кладом. Захарий»

4.

Тот же день, Балашов

Прокурор Беловолодов повернулся к вошедшему следователю.

— Светлана Владимировна! — обратился он к ней. — Что накопили?

— Дмитрий Владимирович, я отправляла в Медвежий Куст водолазов. — в её словах не слышно было признаков победы. — Так вот, они ничего кроме кочек не обнаружили. Хотя обследовали три самых больших омута Елани.

— Так, говоришь, кочек? — почему-то задумался над этим прокурор. — А ещё?

— Опрос жителей Ивановки показал, что только три человека видели там утром предыдущего дня иномарку с последними цифрами 09. Мой криминалист по отпечаткам установил, что это был АУДИ. Таких в Балашове в настоящее время имеется двенадцать и лишь одна имеет в номере последними цифрами 09. Её владельцем является Арт Курмаер, предприниматель сорока пяти лет и владелец страховой компании «АРТ». У него есть дочь Гертруда Курмаер двадцати трёх лет, которую часто видят за рулём данного автомобиля. Семья Курмаеров появилась в Балашове в прошлом году из Берлина, в каких-то аферах была не замечена. Возможно, ею просто никто не занимался. Самый ближайший контактёр, с которым работает Курмаер – Владимир Афанасьевич Панфилов, владелец торгового магазина автомобилей и запчастей для автомобилей.

— Так вы думаете, это была Гертруда Курмаер? — поинтересовался Беловодов.

— Очень даже возможно! — Светлана Владимировна кивнула головой. — Но это будет трудно доказать, так как на одежде и теле Мельниковой следов Гертруды не выявлено. Хотя, как рассказали опера, Гертруда – девушка спортивного телосложения и занимается рукопашным боем.

— Так-так. А что вы можете ещё сказать про Курмаеров?

— Больше ничего. — Светлана закрыла папку и стала

ждать новых указаний прокурора.

— Что же у нас получается? Убийца фактически не найден, мотив преступления не ясен? — прокурор вздохнул и посмотрел на Светлану. — Давайте отложим его в долгий ящик! Так что занимайтесь пока текущими делами.

Светлана кивнула головой, повернулась и вышла.

— Ну, не может такого быть, чтобы задушили человека просто так! — тихо произнёс прокурор, смотря в окно. — Светлана Владимировна, а если покопаться в истории жизни этих людей?! Может, это что-нибудь нам даст?

— Хорошо, Дмитрий Владимирович! — кивнув головой, Светлана добавила. — Я постараюсь!

5.

На следующий день

— Разрешите, Дмитрий Владимирович?

Голос Белавиной прокурор Беловолодов сразу же узнал и усмехнулся. — Да, да, входите, Светлана Владимировна! Что-то накопили?

Светлана Владимировна прошла к столу, куда указал прокурор и села, развернув свою папку.

— Дмитрий Владимирович, я вчера покопалась в жизни этого семейства и вот что получается.

На лице Беловолодова промелькнул явный интерес.

— Арт Курмаер вовсе не немец, а самый настоящий русский! — на лице Светланы появилась ехидная улыбка. — Мало того, до 1990 года, перед приездом сюда, в нашу страну, он звался Артём Демидович Курятников!

— Постой, постой! — задумался прокурор. — Уж что-то мне очень знакома эта фамилия!

— Давайте расскажу дальше! — усмехнувшись, произнесла Светлана и, лукаво посмотрев на Беловолодова, спросила. — А знаете, кто является дедом Артёма Демидовича Курятникова?

— Ну, не томи! — взмолился Беловолодов.

— Так вот, дедом Артёма Демидовича Курятникова является Аким Терентьевич Курятников, глава страховой компании «Саламандра», хорошо известной в России до Гражданской войны!

— Точно! — Беловолодов, услышав знакомое имя и фамилию, даже несильно стукнул по столу. Потом внимательно посмотрел на Светлану и произнёс. — Но ведь он исчез куда-то с началом революции 1917 года!

— Как оказалось, исчез не он один с женой и сыном Демидом, а все накопления страховой компании «Саломандра»! — усмехнулась Светлана. — И не куда-нибудь, а в Германию. Но именно здесь и оказалась одна особенность — больших денег-то при нём пограничники не нашли! Тогда возникает один вопрос. Где же эти деньги? И, говорят, большие! Ведь

уже тогда богатеи того времени, чуя революцию, начали интенсивно страховать свои сбережения.

— А что мы ещё накопили про Акима Курятникова?
— хмыкнув, спросил Беловолодов.

— В одном источнике я обнаружила, что Аким Курятников у генерала Власова во вторую мировую войну занимался реализацией того, что награбили власовцы. При этом он особенно рвался сюда, в Балашовский район!

— Ну-ну, что ж, это как раз и понятно! — усмехнулся Беловолодов. — Видать хорошо припрятал богатство!

— Вот и я так подумала. И стала копать про этого Акима Курятникова. И что вы думаете? — Светлана заметила, как брови Беловолодова немного приподнялись, а рот приоткрылся, свидетельствуя о проявлении интереса. — Говорят, он был замешан в какой-то афере с женским Покровским монастырём, у которого было своё подсобное хозяйство в Медвежьем Кусту на реке Елань. Но это только по слухам.

— Тогда возникает один вопрос: что понадобилось делать там правнучке Аким Курятникова? — продолжил её мысль Беловолодов. — Да ещё убивать?!

— Вот и я так подумала! — улыбаясь тому, что её мысли полностью совпали с рассуждениями Беловолодова, она не сводила глаз с прокурора, который, рассуждая, начал ходить туда-сюда недалеко от стола.

— А вы хорошо просмотрели омуты Елани в этом месте?

— вдруг Беловолодов остановился и внимательно посмотрел на Светлану.

— Вы, думаете, там закопан клад? — произнесла Светлана и спохватилась, зная, что отвечать вопросом на вопрос было непорядочно по отношению к Беловолодову. — Водолазы осмотрели только водную часть омутов. Но, как я понимаю теперь, клад должен быть закопан! А почему убитая оказалась в воде, будто его именно там и искала?

— Вот! — у прокурора загорелись глаза, и он даже не заметил нестандартное поведение подчинённой. — Вот теперь, по-моему, мы приблизились к ответу.

— Но возникает новый вопрос. — Светлана растерянно посмотрела на Беловолодова, понимая, что снова вернулась в никуда. — Как можно искать что-то маленькое на большой территории?

Беловолодов остановился у окна и замер: такой вопрос и его застал врасплох.

— Наверное, должна быть какая-то карта, чтобы знать, где это находится! — вдруг вырвалось у Светланы, которая продолжала думать также как и прокурор.

— Нет, это не может быть бумажная карта. — он посмотрел на Светлану задумчиво и добавил. — Это должна быть карта на металле! Чтобы сохраниться. А где обычно чертились карты у копателей?

— В медальоне! На ладанке. Или на медной пластинке! — подхватила его мысль Светлана, чувствуя, что он находит-

ся где-то близко от разгадки.

— Вот-вот! — прищуриив хитро глаза, Беловолодов смотрел на Светлану, предлагая ей дальше выдвигать свои версии. — А были ли в уголовных делах каких-то хотя бы намёки на это?

— Ну вот! Сама себе опять создала работу! — Светлана опустила голову.

— Светлана Владимировна, голубушка! — пожалев свою подчинённую, произнёс прокурор. — Я ведь не говорю: «Что б завтра всё было сделано!»

— Вы не представляете, сколько это работы! — грустно произнесла Светлана.

— А, если пойти по другому пути? — Беловолодов, улыбаясь, посмотрел на Светлану, увидев, как с интересом приподнялись её брови. — Допустим, покопаться в архиве артефактов среди похожего или того, что было обнаружено у преступников!

— Разрешите идти! — Светлана встала и получив разрешение, вышла. А, выйдя, пробормотала тихо. — Ещё немного и пришлось бы переворачивать весь архив страны!

— Но идея с медальоном мне нравится! — усмехнувшись, произнесла она. — Надо на эту тему подумать хорошенько!

На следующий день, там же

Светлана постучалась в дверь прокурора. — Дмитрий Владимирович, разрешите?

— Что, Светлана Владимировна, есть результаты? — приглашая её к столу, спросил прокурор. — Давайте, рассказывайте!

— Я, как вы сказали, изучила два архива артефактов преступников. Это в царское и советское время на предмет обнаружения у преступников медальонов. — она раскрыла свою папку и достала два списка. — Сразу скажу. Несмотря на то, что нечто подобное было у многих преступников, как в царское, так и советское время, но меня заинтересован один случай с отметкой «не расследовалось», где среди изъятых вещей имелся большой двухстворчатый медальон.

Она посмотрела на Беловолодова и, увидев, как у того приподнялись брови и слегка опустились веки, поняла, что и ему становится интересно.

— Собственно, чем он меня заинтересовал? — произнесла Светлана. — Во-первых, дело происходило в Балашовском уезде в селе Малиновка. Во-вторых, это было в 1919 году. Во время Гражданской войны некогда было кому-то рассле-

довать, поэтому появилась возможность самой взглянуть на этот случай. В-третьих, на поверхности его изображен Коршун, держащий в лапах рыбу. Что в переводе с воровского языка означает место захоронения клада!

— Ну, и что? — Беловолодов уже с нетерпением смотрел на Светлану. — Вы его запросили из архива?

— Вот для этого и пришла к вам! — её блестящий взгляд говорил. — Ну, дайте же разрешение!

— Я тоже считаю, что надо запросить его! — он улыбнулся, кивая головой её доводам и вдруг спросил. — А никаких дополнительных сведений в истории Балашовского уезда вы не смотрели?

Светлана у себя сделала пометку в пункте запрос. Посмотрев на прокурора, добавила. — А если нам пригласить на консультацию Павлину Порошину и Глеба Дубовцева из НИИ-26? Вот кто мог бы нам дать дополнительные сведения! И ещё: во время начала Гражданской войны документов сохранилось мало. Может, попробовать поговорить с ветеранами или стариками до старушками? Я, думаю, кто-то что-то об этом ещё помнит!

— Что же, попробуйте! — прокурор кивнул головой. — И обязательно именно в Малиновке!

Светлана встала, захлопнув папку, и спросила. — Разрешите исполнять?

— Как сделаете, сразу же ко мне на доклад! — кивнул головой прокурор.

Глава 2. Возвращение в родные края

1.

Июнь 1993 год, автостанция Балашов

— Автостанция Балашов! — крикнула полная билетёрша лет пятидесяти, не вставая с места. — Кто должен выходить на этой станции, прошу пройти к выходу!

Среднего роста мужчина тридцати восьми лет, кивнув ей головой, начал спускаться по лестнице. Оказавшись на земле, он посмотрел направо и, увидев красные цифры табло «+29» градусов на старом здании железнодорожного вокзала, усмехнулся и пробормотал еле слышно. — Здравствуй, Балашов!

Как только междугородний автобус отошёл, прямо перед ним увиделся памятник Ленину.

— Ну, теперь я уже не сомневаюсь, это Балашов! — усмехнулся он, закидывая на плечо рюкзак и поднимая небольшой чемодан. — Всё так, как рассказывала бабушка Варвара Потифоровна перед смертью, когда поручила обязательно съездить в Малиновку Балашовского района.

Он повертел головой во все стороны и, увидев сзади себя

дверь с табличкой «Автостанция», не особенно раздумывая, пошел ней.

Купив билет до Малиновки и увидев, что до автобуса есть ещё часок времени, он решил, что успеет ещё изучить Балашов, сел на скамейку. Сейчас почему-то все мысли его сосредоточились на его любимой бабушке Варваре Потифоровне Сухининой.

— Если я правильно понял, то в сорок первом году с началом Великой Отечественной войны, когда враг подступил близко, семью прадедушки Потифора Сухинина в составе его, прабабушки Параскевы, моей бабушки Варвары Потифоровны, моей матушки Ольги Васильевны отправили на Урал в город Верхотурье. — он задумался и начал в уме считать их возраст. — Прадедушке Потифору было тогда шестьдесят пять лет и на войну его не взяли по состоянию здоровья. Прабабушке тогда было пятьдесят восемь лет, и она никак не хотела уезжать. Интересно, почему? Ведь немцы уже тогда были совсем рядом!

Он посмотрел на часы, и на месте формирования автобуса на Малиновку народа ещё не было.

— Если я правильно понял бабушку, то первый прабабушкин сын Авдей, а также дочь Елизавета ушли на фронт, а их принудительно отправили на Урал. — он задумался, вспоминая то, что говорила прабабушка ещё. — До войны у них была большая семья. Но, если я правильно понял, почти все ушедшие на фронт мужчины, назад не вернулись.

К остановке подошёл автобус до Малиновки и водитель вместо билетёрши начал проверять билеты и пропускать людей в автобус.

— Фамилия? — строго спросил водитель, смотря в его билет, когда его очередь пришла садиться в автобус.

— Сергей Петрович Сухинин! — доложил он по-военному и увидел довольный кивок головой водителя, разрешающий ему входить в автобус.

Всю дорогу до Малиновки Сергей Петрович смотрел в окно и любовался то Хопром, то полями, то деревьями.

— Простите, девушка! — обратился он к первой попавшейся девушке, сойдя с автобуса в Малиновке. — Мне бы нужен крайний дом на Пролетарской улице! Не подскажите?

— Да почему же нет? Пройдите дальше и на второй улице по счёту от этой, сверните налево! Это и будет Пролетарская! — улыбнувшись, рукой подсказала приветливо, девушка, с интересом вглядываясь в него. — Идите до конца! Там и будет крайний дом. Только там, по-моему, никто не живёт давно!

Поблагодарив её, Сергей Петрович пошёл по трассе и на второй улице, убедившись, что она Пролетарская, пошёл к Хопру до конца её. Подойдя к этому дому, он поклонился ему.

— Здравствуй, уважаемый дом и земля моей прабабушки и бабушки! — произнёс он то, что обещал когда-то своей бабушке, видя покосившиеся ворота и сам дом, старые

деревянные доски и заросшую молодыми деревьями землю.
— Интересно, сколько же лет здесь никто не живёт?

Первая попытка открыть дверь в воротах оказалась неудачной. Осмотрев дом, он тут же нашёл окна забитыми крест-накрест досками, которые где-то уже держались на одном гвозде. Заглянув в одно из них, он увидел внутри молодые деревья, растущие прямо из пола, развороченные стены, всякий хлам на полу и всюду запустение. То же было и с двумя сараями, которые ограничивали когда-то достаточно широкий двор.

— Да, видно никто здесь не живёт! — сделал вывод путешественник и вдруг услышал свой внутренний голос. — А ты забыл, что обещал бабушке своей? Если и забыл, я ведь могу и напомнить!

И, пройдя во двор, он очистил себе небольшой кусок упавшего бревна, чтобы сесть и поразмыслить.

— Наверное, нужно сходить в администрацию села и поинтересоваться, как снова вернуть то, что принадлежало Параскеве и Варваре Сухинным! — решил он.

Но тут его внутренний голос заявил. — Интересно, как это ты пойдёшь в администрацию, если даже не поинтересовался, сколько у тебя земли?

И Сергей Петрович, поднявшись, пошёл на огород. Здесь его ждали те же деревья, что были и в доме. Он повернулся и пошёл в администрацию.

Тот же день, г. Балашов

Сергей Петрович достаточно быстро нашёл административный центр Малиновского сельского поселения. Постучав, вошёл в дверь председателя.

— Здравствуйте! Я Сергей Петрович Сухинин. — представился он женщине зрелого возраста, сидевшей на месте главы администрации, и протянул ей свой паспорт. — Я хотел бы получить дом и землю моей прабабушки Параскевы Сухининой!

Неожиданно на лице женщины появилась кривая улыбка, глаза расширились, брови поднялись, а ручка выпала из рук на лист бумаги.

— Говоришь, Сухинин? — она даже приподнялась, протягивая руку за его паспорт. И, как-то интересно переспросила, думая о чём-то своём. — Дом и землю Параскевы Сухининой?

Внимательно просмотрев документы, она, возвращая ему их, улыбаясь, вдруг спросила. — А кто тебе будет Никифор Сухинин?

— По словам моей бабушки Варвары Потифоровны, он был братом моего прадеда Потифора Сухинина! — произнёс

посетитель, ещё не понимая, почему его подвергают такому опросу. Его брови немного приподнялись, а глаза расширились. — А почему это вас интересует?

— Сергей Петрович, скажи, пожалуйста, ты не из Верхотурья приехал? — блестящий взгляд сразу же выдал её возбуждение.

— Да, из Верхотурья! — по-прежнему, не понимая что из этого следует, ответил он.

— А бабушка твоя, Варвара Потифоровна, ничего не говорила про девочку Лизу? — произнесла женщина, подняв брови и глаз её начал подёргиваться сам собой.

— Так это же её сестра! Елизавета Никифоровна Сухинина! — посетитель начал улыбаться такому расспрашиванию женщины, догадываясь, что это делается неспроста.

— Так это бабушка моего мужа Михаила Ивановича Сухинина. Правнука брата твоего прадеда! — улыбаясь открыто, она встала и протянула свою руку. — Добро пожаловать долгожданные Сухинины на родную землю! Меня звать Александра Николаевна!

Сергей Петрович, улыбаясь, пожал ей руку, до конца ещё не веря в то, что происходит.

— Верочка! — крикнула Александра Николаевна. — У нас тут нашёлся настоящий хозяин крайнего дома и земли по улице Пролетарской! Возьми его паспорт и оформи все документы на владение. Наконец-то бесхозный дом и земля приобрели настоящего хозяина!

Молодая девушка, подойдя к главе администрации, приветливо улыбнулась, взяла документы и тихо ушла, не мешая им разговаривать.

Сергей Петрович начал понимать, что перед ним жена родственника и даже как-то успокоился.

— Сергей Петрович, а вы кто по профессии? — задумавшись о чём-то, спросила Александра Николаевна.

— В Верхотурской средней школе был учителем математики. — просто ответил он, и, не ожидая следующих вопросов, добавил. — Сюда приехал, потому, что обещал своей бабушке перед её смертью. Насколько получится здесь пожить, не знаю! Вот приведу всё в порядок и перевезу всю семью. Тогда и решим!

В это время Верочка вернулась с документами и передала их Александре Николаевне.

— Сергей Петрович, я, надеюсь, что это наша не последняя встреча! — с явной неохотой, рассчитывая на большую информацию, подала их родственнику.

— Спасибо! — коротко по-военному ответил он, повернулся и пошёл.

3.

Тот же день. ж/д вокзал Балашов-Пассажирский-

Невысокая светловолосая двадцатишестилетняя девушка в джинсах и накидке с чемоданчиком в руке спустилась с вагона, повернулась и прощально помахала рукой мужчине в военной форме.

— Мария, позвони! — успел всё же крикнуть провожатый, прежде чем поезд двинулся дальше.

— Ага, держи карман шире! — произнесла тихо девушка, мило улыбаясь провожатому, подождав, когда поезд двинется с места, и пошла к вокзалу.

Пройдя сквозь вокзал, она вышла на остановку, села на подошедший автобус и вышла на автовокзале. Там, посмотрев на расписание автобусов, взяла билет до Малиновки и спокойно села на своё место.

В Малиновке она вышла на остановке и через некоторое время оказалась у крайнего дома на улице Пролетарской. Повертев головой и заглянув в дырку ворот, увидела знакомую фигуру.

— Сергей Петрович! — услышал тот знакомый голосок.
— Вот и я!

— Маша! Ты глянь, что стало домом Параскевы Сухиной! — с горечью выплеснул тот накопившееся негодование, и с удивлением отметил, что их давняя знакомая Маша Плужникова смотрит на это состояние дома как временную неприятность.

— Подумаешь, разваливается! — ухмыльнулась Маша. — Я его ещё в прошлом году таким видела! Ты, Сергей Петрович, лучше скажи, нашел или нет медальон?

— Какой ещё медальон? — нахмурившись, Сергей Петрович вспоминал, что он слышал про медальон. И не вспомнив, отрицательно начал качать головой.

— Ну, тот, про который моя бабушка Вера писала вам в Канск? — приподняв немного брови, с интересом Мария взглянула на Сухинина. — Мы же договорились вместе поискать медальон моей прабабушки Смарагды, который спрятали ваша прабабушка Параскева! Я же потому и взяла отпуск на работе! Вы что, наше письмо не получили?

— А-а-а, вон почему меня так быстро спровадили сюда! — удивился хозяин. — Ну, и где мы должны его искать?

— Если верить тому, что говорила моя бабушка, то это должен быть столб не то конюшни, не то сарая! — произнесла Мария, оглядывая покосившийся дом и оставшиеся столбы у конюшни и упавшие у сарая. — Сергей Петрович, дайте около них разроем ямы!

— Давай! — усмехнулся хозяин и взял в руки лопату из инструментов, которые купил сегодня в магазине. — Так или

иначе, их придётся убирать!

Он почесал затылок, а, потом, повернувшись к ней, про-изнёс. — слушай, Маша! Давай так: пока я буду окапывать столбы и искать твой медальон, ты сваргань что-нибудь по-есть на костре! Кое-что из жратвы я прихватил из магазина.

Девушка, улыбнувшись, тут же кивнула головой, а Сергей Петрович начал свою кропотливую работу.

4.

Там же

— Бог в помощь! — неожиданно услышал Сергей Петро-вич мужской голос и, повернувшись на голос, увидел поли-цейского, прошедшего через ворота.

— А этому-то что здесь надо? — недовольно отозвался внутренний голос.

— Тут мне в администрации сказали, что у этого дома по-явился хозяин. — начал свою оправдательную речь полицей-ский. — Вот я и захотел посмотреть, кто это и чего ему здесь надо!

Сергей Петрович, нехотя подошёл к полицейскому и по-дал свои документы.

— Так-так! — ухмыльнулся он, возвращая документы хо-зяину. — Значит, Сухинин? Из Верхотурья?

— Сухинин! — подтвердил свою фамилию Сергей Петрович. — Из Верхотурья!

— Значит, вернулся?! — всё тем же голосом, в котором сквозило недовольство, произнёс полицейский.

— Вернулся! — теперь уже недовольство просквозило в голосе Сергея Петровича. — А что вам не нравится?

— Да мне всё равно. Живите! — он повернулся, собравшись уходить, но в это время из-за покосившегося сарая вышла Маша.

— А это кто? — спросил полицейский, внимательно осматривая фигуру девушки с головы до ног. Удовлетворившись ладной фигурой Маши, вдруг сменил свой тон на диаметрально противоположный. — Дочь?

— Нет! Сегодня приехала. — Сергей Петрович подумал, что надо как-то обосновать её появление здесь. — Мне на помощь!

— И откуда? — повернувшись уже к ней лицом, поинтересовался полицейский.

— Из Канска! — ответила Мария, улыбнувшись полицейскому. — Сергей Петрович! И вы, гражданин полицейский! Я ведь чего вышла-то. Приглашаю всех к столу!

— Нет уж! — ответил полицейский не улыбаясь в ответ Марии, повернулся, пробормотав. — Как-нибудь в другой раз!

И пошёл прочь.

Тот же день, с. Малиновка

Отправив запрос об отправке заинтересовавшего её медальона к ним, Светлана со старшим опером на узике поехала в Малиновку.

— Александра Николаевна Сухинина! — представилась следователь Белавиной глава администрации села Малиновка, улыбаясь и протягивая руку Светлане. — Что могло вызвать приезд к нам таких людей?

— Тут нас заинтересовал один эпизод из Гражданской войны, который коснулся вашего села. — произнесла Светлана, стараясь не раскрывать настоящую цель своего прибытия. — Может, у вас остались ветераны, старики или старушки, которые могли бы что-то рассказать о начале Гражданской войны в вашем селе?

Александра Николаевна задумалась. Поднятые брови, образовавшие морщинки на лбу, и широко раскрытые глаза явно показывали её удивление.

— Вы знаете, в начале Гражданской войны было столько всего плохого, что даже сразу-то и не скажешь, к кому лучше всего обратиться. Много людей было сослано в Урал, Сибирь и их здесь нет. Но старожилы должны что-то помнить!

Списочек я вам напишу!

И вдруг она вспомнила, что на днях выдала свидетельство приехавшему Сухинину на дом его предков.

— Знаете, вчера я выписала свидетельство на дом его предков Сухинину Сергею Петровичу! — произнесла она, вписывая его в свой список. — Он из семьи высланных на Урал. Может он что-то знает по рассказам предков? Кроме того, здесь живёт и правнук Никифора Сухинина Михаил. Возможно, и он что-то знает. Кстати, он здесь! Вы можете с ним поговорить.

Она вышла в какую-то комнату и вернулась с человеком в форме полицейского.

— Михаил Сухинин? — спросила она, и, чтобы удостовериться, тот ли это человек, взяла его документы. Проверив всё и отдав документы, неожиданно спросила, вынув медальон, пришедший по скорой почте. — Вам этот медальон знаком?

Кивнув головой, Михаил взял медальон и нажав какую-то кнопку, тут же открыл его. Увидев на первом же листе нацарапанную карту, стал внимательно изучать его.

— Отдайте его! — Светлана выхватила медальон. — Я не разрешала вам его смотреть!

Александра Николаевна подумала-подумала и вписала в список своего мужа.

Добавив ещё несколько фамилий, она отдала этот список Белавиной.

— Верочка! — обратилась она к помощнице, вспомнив о том, как негативно отозвался её муж о соседе, огород которого примыкал к ихнему огороду. — Отведи следователей к Сергею Петровичу Сухинину, что на Пролетарской! И сразу же назад!

Через несколько минут Верочка, молча показав на развалившийся дом Параскевы Сухининой, повернулась и пошла к администрации.

Заглянув во двор через множество дыр в заборе, Светлана увидела приличного человека, что-то делающего со столбами сарая. В то же время со стороны огорода шёл дымок, явно говорящий о том, что он здесь не один.

— Здравствуйте! — вежливо с улыбкой произнесла она, обратив на себя внимание хозяина. — К вам можно?

— Ну, что-то попёрло сегодня. — проворчал он в адрес пришедших Маше, которая тут же выглянула из сарая. — Входите!

— Сухинин Сергей Петрович? — спросила она мужчину и, увидев вышедшую девушку, слегка удивилась, произнеся и подавая ему своё удостоверение. — А мне в администрации села сказали, что вы приехали один!

— Так и есть, я Сухинин Сергей Петрович, на днях приехал из Верхотурья, чтобы привести в порядок дом моей прабабушки! А это Мария Плужникова, приехавшая сегодня из Канска, чтобы помочь мне в этом! — доложив по-военному на поставленный вопрос и подавая ей назад удостоверение,

поинтересовался, почувствовав какую-то угрозу. — А вам от меня что нужно?

— Сергей Петрович, возможно, вы меня неправильно поняли. — начала оправдываться Светлана, не понимая, почему к ней такое отношение появилось у хозяина развалившегося дома. — Я не собираюсь ни вас, ни Марию в чём-то обвинять! Наоборот, я пришла к вам за помощью!

Хозяин перестал копать и выпрямился, повернувшись к ней лицом, а Маша подошла ближе.

— Чем же я могу помочь вам? — уже нормальным тоном спросил хозяин дома, а у девушки немного приподнялись брови и слегка открылся рот.

— Меня интересует то, что было здесь в Малиновке в 1919 году. — начала излагать свою мысль Светлана. — Поэтому я ищу людей, которые могли бы рассказать о том, что здесь происходило, хотя бы приблизительно. В администрации мне сказали, что вы из семьи репрессированных в то время. Я подумала, что именно вы могли бы мне многое рассказать!

— Да! Так и есть. Но мы считаемся незаконно репрессированными и давно восстановлены в своих правах! — удивлённо произнёс хозяин. — Просто наши предки не захотели возвращаться сюда и стали жить на Урале и в Сибири. А мы вот считаем, что так с собственностью обращаться нельзя и приехали, чтобы восстановить её.

— Как-то это не совсем понятно! Обычно дом принадле-

жит кому-то одному. А вас двое: один с Урала, другая с Сибири. — задумавшись, Светлана решила немного раскрыть суть своего прихода, иначе они это воспринимают со своей точки зрения. — Собственно, меня это вовсе не интересует, кто хозяин этого дома и почему вы здесь. Я уже сказала про начало Гражданской войны. А за что ваших предков репрессировали? Ведь даже сослали в разное место!

— Ну, подробностей мы не знаем. — Сергей Петрович даже рукой предложил им присесть на брёвна. — По рассказам моей бабушки Варвары Потифоровны почти всё село было против мобилизации мужиков красными на войну. За это их называли «зелёными» и расстреляли из пушек. А тех, кто остался жив, отправили на Урал и в Сибирь. Вот так наши семьи там и оказались!

— Немного понятнее стало. — кивнула головой Светлана и вдруг спросила. — К нам скоро должны приехать эксперты из НИИ-26. Не могли бы и вы оба поучаствовать в этом исследовании древнего артефакта?

— Маш, ты как? — вдруг хозяин спросил девушку, которая за всё это время не проронила ни слова

— Я не против! — произнесла она.

— Ну, вы скажите, когда это будет? — усмехнувшись, произнёс хозяин. — Мы и поучаствуем.

— Вот этот товарищ и приедет за вами! — и Светлана показала на старшего опера, который тут же кивнул ей головой. Они встали, пожали руки хозяевам, и пошли прочь. Больше

им в Малиновке делать было нечего.

Через день из Москвы прибыла посылка с медальоном, на котором был изображен то ли Коршун, то ли Орёл. Светлана взяла его, покрутила, попыталась открыть, но он не открылся. Боясь поломать его, она экспериментировать с ним не стала.

Вечером того же дня приехали по приглашению Павлина Порошина и Глеб Дубовцев из НИИ-26.

Утром, доставив к себе Сухинина и Плужникову, Белавина начала эксперимент. Для этого Глеб расставил свою записывающую аппаратуру, наклеил им на руки какие-то провода.

Когда же в одну руку Павлине вложили медальон с изображением коршуна, держащего рыбу, вызвавший большое удивление у приехавших Сухинина и Плужниковой, а другой она взяла их одну руку, Белавина скомандовала. — Начали!

И на экране большого компьютера начался рассказ о том, что происходило в то тяжёлое время.

Часть 2. Медальон двух монашек

Глава 1. Марфа и Смарагда

1.

Начало августа 1891 года, д. Терновка Кирсановского уезда

Она и ещё кто-то, очень похожий на неё, стоят на самой вершине горы, остриём стремящейся ввысь. Ни назад, ни вперед хода нет – так здесь высоко! Сердце замерло.

Стоит лишь взглянуть на черноту густого тумана внизу, как душа, сжавшись в точку, то медленно от страха замерзает, бросая её в липкий пот, то бешено бьется, давая ей ощущение невыразимого блаженства и неведомый восторг.

И снова низвергается в пропасть, так и не успев насладиться восторгом. А там, оказавшись в холодной пучине страха, заставляет раз за разом презирать себя.

Та, которая так похожа на неё, и только что стояла рядом, начинает медленно растворяться в нечто темное, заставляя сжиматься и стонать сердце.

— Марфа. — низкий утробный голос откуда-то сверху невольно заставил сжаться всё её существо в маленький комок.

Со страха она зажмурила глаза. Но голос теперь уже не снаружи, а в ней. И от этого становится ещё более жутко. — Марфа, пришло время выбора!

Страх куда-то пропал, а глаза открылись сами собой. Прямо перед ней, слева и справа, а так же сзади появилась искрящаяся дорожка. Она и сама не поняла, как смогла одновременно увидеть все эти пути.

И повернулась к одной: все остальные мгновенно исчезли. В нескольких шагах от тропы стояла темная туманная фигура.

— Марфа! — она бросила взгляд вверх, туда, откуда шел этот низкий гортанно-утробный замораживающий голос, и замерла от ужаса.

Холодный пот побежал по спине. Казалось, сердце совсем перестало биться. Однако неизвестно откуда взявшийся всплеск его активности, больно ударил по вискам, туманя голову, как колокол, и наполняя этим гулом всё её существо. Она чувствовала, что уже не может о чем-то думать. Лишь. — Бам! Бам! Бам!

Не успела она привыкнуть к этой боли, как снова оказалась закована в ледяной панцирь. Но тут кто-то невидимый решил оказать ей помощь, сняв с нее всякую чувствительность и разрушив панцирь. Наконец, Марфа увидела, то, что было наверху.

Это был невиданный цветок, внутри которого, как на ёжике иголок, росло неисчислимое количество змеиных голов вместо пестиков и тычинок. Они шипели, изрыгали огонь, выпускали дым и чад, распространяя вокруг удушье.

Однако голос исходил именно оттуда. И от этого становилось еще страшнее: теперь уже за свою молодую жизнь. И силы предательски оставили её, ставя на колени перед Ужаснейшим и Могущественнейшим. И снова голос настиг её. — Марфа, делай выбор!

Что-то невидимое поставило её тело на ноги и закружило. Открыв глаза, Марфа снова увидела первую дорожку, но поднять глаза на Голос, тем более спросить, она так и не посмела. Теперь ей оставалось только смотреть прямо перед собой. Темная фигура в конце дорожки вдруг вспыхнула ярким светом. От неожиданности даже вздрогнула и закрылась

рукой.

— Не-е-ет! — вырвалось откуда-то изнутри нее, и кто-то услужливо развернул Марфу влево. Почему именно это вырвалось из неё, и сама не поняла, но была с этим внутренне согласна. К тому же за это её никто не наказал.

Не успела обдумать всё и решить, как поступать дальше, прямо перед ней высветилась вторая дорожка и фигура, чем-то напоминавшая ей яблоню. Ту самую, с которой она вчера свалилась и больно ушиблась. Воспоминания о вчерашней боли заставили её невольно потереть то колено, которое вчера всё было в крови. Однако сегодня оно было чистым, как новенькое. Но вид этого дерева сильно удивил её: вместо яблоч на нем удобно разместились голые черепа.

И сердце снова невольно сжалось от страха, а пересохшее горло прохрипело. – Не-е-ет!

И опять кто-то услужливо развернул её на девяносто градусов. Как замороженная, смотрела она на молодой гриб с длинной толстой ножкой и маленькой шляпкой. Таких крепышей она часто находила в дубовой роще рядом с их домом. Что-то теплое и знакомое пахнуло на неё.

— Селедочный. С перцем! Откуда он здесь? — от приятно – притягивающего запаха он повела носом и даже прикрыла глаза, невольно вспомнив, как воровала селедку отцовского посла.

Удивлению её не было предела, когда прямо на глазах этот столбик с шляпкой вдруг скособочился, обмяк, а потом и

вовсе согнулся, упав шляпкой вниз, прямо на глазах превращаясь в кашу.

— Бр-р-р! — невольно вырвалось у неё.

Но и этого оказалось достаточно, чтобы некто услужливый, развернул на девяносто градусов.

О, это Марфа узнала бы даже издали! Сколько раз днем и ночью она мечтала, чтобы горы желанного желтого металла принадлежали только ей одной! И она даже не удивилась, а обрадовалась, что здесь всё было именно так, как когда-то представляла. Блеск золота мерцал, доставляя настоящее блаженство, а аромат золота вызывал настоящую радость.

И между стонами, она выдохнула. — Да-а-а!

— Бер-ри её! — произнес Ужаснейший. И Марфу из жаркого лета сунули в холодную зиму. Чувствуя, что становится совсем сосулькой, она всё ещё пыталась понять, что же происходит с ней.

— Ха-ха-ха! — и этот голосок слышала, когда смеялась её барыня, беспечно трогая рукояткой зонтика молодого кучера.

— Ха-ха-ха! — а так смеялся молодой офицер, сопровождая и целуя барыню.

— Ха-ха-ха! — этот голос был чем-то похож на ржание жеребца, который их вёз, но смеялся он над ней. Такого она стерпеть никак не могла. Поэтому, открыв глаза, шагнула на светящуюся дорожку.

Выбор был сделан! Моментально все исчезло: чад, гарь, мелкие насекомые, которые нагло лезли в нос, горло, уши. Марфа стремительно летела вниз в вихре всего этого, теряя сознание. Ей то не хватало воздуха, то внутренности придвигались к горлу и грозились вывалиться через рот, то переворачивалась вниз головой, ощущая, что внутренности её вот-вот вывалятся наружу через отверстие между ног.

Животный страх подкатил к горлу и она закричала. — А-а-а-а!

— А-а-а-а! — Марфа вскочила на тахте и почувствовала, как страх начинает проходить. Облегченно вдохнув, прошептала. — Я дома?! Приснитси же тако!

— Марфа, ну чо тама опеть с тобой? — пробурчала недовольно мать. — Ну, дак ить енто жа сон. Неча думать об ентом!

Последние слова мать сказала почти слышно: она уже почти спала. Марфа же собралась снова лечь, но тут же ощутила нечто жгучее внизу живота. Рука её невольно скользнула вниз, и пальцы оказались в скользкой жиже. Тут же отдернула их. Подумав, снова опустила их туда же, обмакнула в жижу и поднесла к носу.

— Нет, енто не то. — незнакомый запах, перемешанный с запахом едкого пота из промежности, ударил в нос.

Марфа даже не сморщилась и помотала головой. Осторожно коснувшись языком пальца с жидкостью, тут же почувствовала солоноватый привкус крови.

Этот привкус она хорошо знала. — Сколько раз били меня до крови пацаны? А сколько раз я била их? Да, пожалуй, побольше, чем они меня. Только откуда же здесь кровь взялась? Ведь я ни с кем не дралась?

И снова жуткий страх, невольно напомнивший о пережитом ею сне, сковал все мышцы. — А ежели енто тот, змееголовый, со страшным голосом?

И сердце сжалось в маленький комочек, замерло в ожидании образа Ужаснейшего. Но, почему-то сон никак не вспоминался, но взявшийся неизвестно откуда образ змеиной пасти с клыками и огнем, да со злыми холодными глазами, сделали своё дело: тело её начало превращаться в сосульку.

Но ещё что-то, более сильное, чем душа, было живо в Марфе и сопротивлялось. — Ну и чо? Он же не дотрагивался до меня? Не дотрагивался. Так чо ж это такое?

И сосулька вновь стала маленькой девчонкой, которой хотелось, чтобы её защитили и пожалели. Она повернулась к матери и со слезами на глазах, прошептала. — Мам, а у мене кровя!

— Чо, меж ног? — отозвалась та, не поднимая головы. Перевернулась на другой бок и зло прошептала. — Вот дура! У всех девок енто когда-то начинацца. Спи!

И тут же захрапела.

То, что это бывает у всех девчонок, Марфу успокоило, однако сон больше не шел. Она приподнялась на локте и заглянула в окошко: небо на востоке начало зеленеть и силуэты

вишен и терна, росшего в деревне, как трава, стали ясней.

Марфа вздохнула: хоть реплика матери и успокоила, но облегчения не принесла. — Вот проснетси мать, спрошу у неё про то!

Девушке не спалось: в голову по-прежнему лезли какие-то обрывки мыслей, пока одна не сформировалась окончательно. — Отец!

Уже с год, как он умер, и жизнь Марфы резко покатилась под гору. Сначала староста отобрал у них землю, потом мать продала лошадь и начала пить.

Но следом прорвалось недовольство всем тем, что её окружало. — Сволочи! И кто только такие правила придумал? Ну, почему землю считают по мужиковским головам? А мы, чо не люди? Нет земли, и лошадь стала не нужна!

Очень хотелось стукнуть кулаком по тахте, но она всё же сдержалась. — Да, мать пьёт! Но ведь я же её люблю: пусть хоть часок поспит!

Однако возмущение не проходило, и девушка незаметно для себя всю вину перенесла со старосты на его сына Акимку, который в последнее время всё чаще и чаще преследовал её. Марфа усмехнулась. — Вот, гад, пристал, как банный лист!

И всё-таки было приятно. — Как же, сын самого старосты Терентия Сазонова Курятникова, как величали его все без исключения мужики в деревне, обратил внимание на неё, безземельную.

— И эх, вот гад! — она облизала губы, вдруг сделавшиеся сухими, и вдохнула воздуха больше, пытаясь снова вспомнить тот запах, который она запомнила, когда Акимка поцеловал её в щечку. И усмехнулась. — Ну и чо. Получил по рожу? И ишшо получит!

Неожиданно от этого воспоминания ей вдруг стало жарко, но следом обдало холодом страха. — А чо ежели?

Собственно, она и сама не поняла, что это значит, но испуг, кольнувший её сердце множеством иголок, оставил испарину на лбу и пояснице.

Заря бесцеремонно брала своё: скоро в хате Марфы и Глафиры Косовых стали различаться разные предметы.

— Ну, ты чо? — проснувшаяся мать, улыбалась и крутила кулачками глазницы, чтобы лучше разглядеть хлопающую глазами дочь. — Кровю испухалася? Не бойсь, у каждой дефьки енто бывает! Значить, уже дитев рожать мохешь, а потому берехися мужиков! Не давай имя!

— Ишшо чо?! Щаз, дамси. Вишь, каки кулаки-то у меня? — и Марфа показала свои, сжатые до белизны, кулаки и потрясла ими в воздухе.

— Дурочка ты моя. Оне ить тебя друхим возьмуть! Усе поболе ласкою. Да с подходцем!

Но Марфа уже вышла в сени, так и не узнав, чем таким берут мужики. И всё же ей стало довольно интересно. — Чем таким могут взять её мужики?

Что-то внутри неё подсказывало, что оно должно быть

особенным. Сердце тут же заколотилось, щёки зарумянились. Она поднялась, и увидела свежее красное пятно на уровне промежности. Ночная рубашка была испорчена.

— Вот черт, стирать придется! — ругнулась она и начала умываться. Однако то необъятно-сладкое, вошедшее к ней в душу раньше, по-прежнему оставляло её в возвышенно тревожном состоянии.

Запах тревоги ощутила еще с утра, но теперь по громкому стуку ведер в сенях, почувствовала, что мать близко. И не ошиблась.

— Всё, Маруська, отпелися и отплясалися мы с тобой! — она села на скамью и обхватила обеими руками свою голову: всякий раз, когда ей вот так было тошно, тревожно или просто плохо, называла дочь этим именем.

Когда-то Глафира хотела назвать дочь Марусей, да Трифон не дал. — Раз поп назвал Марфой, значит, и быть ей Марфой! И никаких Марушь!

А Глафира нет-нет, да и покличет её Марушкой. Особенно часто стала называть её так после того, как помер её разлюбезный. — Вот-вот сдохнет наша кормилица. Мы без кормов в зиму идем. Сдохнем! Истинно сдохнем и сами!

Глафира кулаком размазывала слезы по щекам: ей было жалко и себя и дочь. — Ох, Трифон, паразит же ты! Сколь раз я тебе ховорила: не пей стока! Не послушалси, упилси! Мохеть, самохон такой попалси? Щаз бы с кормами были!

Ей было жалко свою корову Зорьку, которую выходила с

телочки. — И вот теперь!

Шмыгнув носом, полезла рукой под скамейку в укромный уголок, где стояла бутылка с самогонкой, которую еще вчера начала. Вытащив её, не стала стесняться дочери и начал пить прямо из горлышка бутылки.

Марфа смотрела, как спивается её мать, и буря негодования распирала её грудь.

— Да бросишь ты пить или нет? — крикнула она, вырвав из рук матери бутылку. — Продавай Зорьку, пока она не сдохла!

И выскочила в сени. Глафира долго смотрела вслед дочери посоловевшими глазами, пытаясь понять то, что сказала ей дочь. Наконец, поняла и мотнула ей головой согласно.

Марфа, выбежав из хаты, уселась на крыльцо и заплакала. Ей вдруг стало так себя, горемычную, жалко.

— Нет! — скорее приказала себе девушка, чем решила. Усмехнувшись, встала и пошла к сараю. — Ещё успею! И никогда не буду такой, как мать!

Возможно, именно сейчас она скорее почувствовала, чем поняла, как плохо становится всё вокруг неё. И дала себе шанс не выполнить решение своё, а потому спрятала остатки самогонки. Уже для себя и про запас!

И всё же новая Марфа брала своё. — Всё! Только сама. Мать мне в этом деле не помощница. Буду пробиваться и стану богатой! Как барыня.

И скинула с себя окровавленную ночнушку, сунула её в

кадку с водой и со злостью начала мять и тереть красное пятно, повторяя, как клятву одно слово. — Буду! Буду! Буду!

— Слышь, Марусь! — голос матери, которая сидела на крыльце и качалась из стороны в сторону, донесся до Марфы, мгновенно переставшей издеваться над ночнушкой — А чо, продам всё, к чертовой матери, и корову, и хату. Да махнем-ка мы с тобой к тетке Наталье в Паханку, к Нарышкиным! Авось тетка родная не прохонит? Ей боху, всё продам!

— Да, ладно, мам. Как-нибудь проживем! — когда Марфа подошла к матери, та уже храпела на крыльце, прислонившись к перилам и свернувшись калачиком. Дочь вздохнула, покачала головой и, привычно закинув её руку себе за шею, потащила в хату.

Однако, к удивлению Марфы, мать в этот раз её не обманула: скоро у них не стало ни коровы, ни хаты.

2.

Начало августа 1891 года, женский Покровский монастырь, г. Балашов.

Хозяйка детского приюта при женском Покровском монастыре сестра Аполлинария долго смотрела на красное пятно, пауком распластавшееся на простыне. Потом повернулась к виновнице – молоденькой воспитаннице приюта, которой сама тринадцать лет назад дала имя – Смарагда, лишь только увидев её глаза, похожие на темно – зеленый изумруд.

Девочка сидела на корточках в углу, прижимая свою верную куклу, которую сама и смастерила. Сестра Аполлинария

за эти годы привязалась к этой неприятной девочке, считая её по-прежнему маленьким ребенком.

— Ну, вот. Доченька-то моя уже и выросла! — подумала сестра Аполлиария, с сожалением внутренне прощаясь с полюбившейся ей сироткой. — А придется распрощаться!

Дело было в том, что монастырские правила разрешали пребывание здесь детям до половой зрелости, и Аполлиарии ежегодно приходилось с кем-то из своих воспитанников прощаться.

Вот и сейчас перед ней стояла та же дилемма. — Говорить или не говорить матушке — игуменье об этом? А может не рассказывать?! Ведь никто, кроме меня об этом не узнает!

Она с великим трудом справлялась с соблазном, понимая, что способна пойти на прямой обман. И девочка это чувствовала. И плакала, зная, что придется расстаться с женщиной, заменившей ей во всем родную мать, которую никогда и не знала.

— Не плачь, дочь моя! — хоть и говорила сестра Аполлиария это Смарагде, но слова эти в еще большей степени нужны были самой: доброе сердце её разрывалось сейчас на части.

Смагда вошла в него целиком и полностью, была столько лет под её крылом и защитой. — Кто сейчас позаботится об её девочке? Кто защитит от жестокого мира? Сможет ли она приспособиться к нему, такая хрупкая, болезненная и беззащитная?

Она смотрела на простыню, испачканную кровью, и понимала, что обязана сейчас принять очень важное решение. — Ко всем это приходит. Ты становишься взрослой! И поэтому я не могу. Не имею права тебя больше здесь держать!

Последние слова сестра Аполлинария произнесла с таким тяжелым вздохом, что девочка снова уткнулась своей головой в коленки и молча заплакала. Сестра Аполлинария, не в силах больше вынести такую муку, повернулась и, обливаясь слезами, вышла.

В тишине кельи, которая за тринадцать лет стала ей родным домом, Смарагда невольно вспомнила сон, который считала виновником появления крови на простыне. Нет, крови она не испугалась. Сколько раз приходилось бинтовать раны. Но в этом случае всё было иначе.

Её словно кто-то разрубил на две части. И теперь она такая, в двух половинках, стояла в этом странном месте. Хуже всего было то, что вторая её половинка начала сама собой растворяться, заставляя тосковать и сжиматься от страха бедное сердце Смарагды.

Меж тем место, в котором она находилась, было похоже на храм без пола. Посмотрев наверх, туда, где должен быть купол, она вздрогнула: там находилось что-то живое, похожее на клубок змей, крылатых и излучающих вонь, чад и огонь. Дыма от них было столько, что дышать с каждым разом становилось все трудней и трудней.

На какой-то миг даже оцепенела: ужас охватил её малень-

кое сердце. Казалось, кто-то всемогущий вмерозил тело в ледяную глыбу, в которой не было места стучащему сердцу.

Однако не успела она до конца понять и прочувствовать, что медленно становится сосулькой, как ясно ощутила в себе Нечто. И это Нечто совсем не собиралось сжиматься от страха и холода. Мало того, оно излучало пламя! И это пламя, разгораясь, начало разрушать образовавшийся лед. Ей стало жарко, пот начал струиться по спине, выступая на лбу.

Смарагда сама себе удивлялась: хоть и было темно, но страха теперь она почему-то не испытывала. И вдруг, почувствовав что-то теплое, прижатое к груди рукой, поняла – с ней её Маруська!

— Марусенька, доченька моя! — Смарагда гладила рукой лысую голову тряпичной Маруськи и смотрела в её пуговичные глаза. Поцеловав в лобик свою маленькую дочку, добавила. — Не бойся, я с тобой!

Словно испытывая в очередной раз, кто-то злой и сердитый приказал ей выбирать. И тут же перед ней высветилась дорожка, в конце которой находился богатырь в золотом сиянии и таком сильном, что Смарагда невольно зажмурилась. Когда же она открыла глаза, то богатыря уже не было. Однако успела заметить, что её повернули до следующей дорожки.

Теперь перед ней было большое и зеленое дерево.

— Ладно, раз надо выбирать, то посмотрю всё, что есть! — решила она и опять её повернули.

Теперь перед ней стоял молодой казак с усами и саблей.

Смарагда его никогда бы ни с кем не спутала только по одному едкому запаху конского пота. Он покрасовался перед ней раз, другой и её снова повернули.

Теперь перед ней появился тот, чьё изображение было в монастыре на самом видном месте. У Смарагды даже поджилки затряслись. И только Маруська не струсила, тут же плотнее прижавшись к хозяйке.

— Выбери! — приказал Голос, отозвавшийся где-то внутри так, что ей снова чуть не стало плохо. И опять выручила верная Маруська: прижавшись к Смарагде, повернула лицо в сторону. Поняв её желание, Смарагда выдохнула. — Дерево!

Разом всё смолкло, а через секунду вой, грохот ворвавшегося ветра с газом и дымом сорвали её с места и бросили вниз! Девушка, наверное, умерла бы со страху, если бы не верная Маруська: зацепившись пуговичным глазом за какую-то дырку в её одежде, она заставила прижать руку Смарагды к сердцу. Так и летела она вниз, ощущая одновременно и жуткий страх и храбрость, а так же то, что скоро все внутренности полезут наружу.

Смарагда с криком проснулась и тут же нащупала свою Маруську, зацепившуюся своим пуговичным глазом за петельку ночной рубашки, а так же странное жжение внизу живота и пятно на простыне.

На крик в её келью вбежала дежурная сестра и увидела красные пятна на кровати и рубашке Смарагды. Перекре-

стившись трижды и ничего не сказав девушке, она тут же удалилась. А скоро пришла матушка Аполлинаруя с той самой монашкой, которая и обнаружила всё это.

Узнав, что это кровь, ей вдруг стало себя так жалко, что не будь с ней верной Маруськи, разрыдалась бы. А так только слезки, одна за другой текли по её бледным щекам. Монашка без слов заменила ей простыню, рубашку и удалилась.

Вот и сейчас, проводив матушку Аполлинарую, Смарагда нервничала, чувствуя, как равнодушие к своей судьбе всё больше и больше охватывает душу. Тупо уставившись в стенку, она не отрываясь смотрела и не видела стен кельи. Лишь только Маруська нет-нет да и напоминала о том, что есть жизнь снаружи, не давая ей полностью раствориться в себе самой.

Шли минуты и часы, а послушница так и сидела. Ей ничего не хотелось делать, ни есть, ни пить. И, смиренно сидя на коленях в углу, ждала приговора.

Когда матушка Аполлинаруя вернулась, Смарагда была готова ко всему. Узнав, что её отправляют на хозяйское подворье в Медвежий Куст, уже безучастно кивнула головой. В ней что-то сломалось: прежняя Смарагда перестала существовать, а вот какая появилась – это еще предстояло выяснить.

Удивленная и в какой-то мере оскорбленная реакцией Смарагды сестра Аполлинаруя ушла, оставив после себя шлейф ладана из храма, в котором только что долго моли-

лась перед алтарем о том, чтобы Всевышний ниспослал ей свою помощь и удачу.

А ещё она благодарила Всевышнего за то, что это не было изгнанием, а лишь перемещением в пределах монастыря. За то, что позволил Смарагде остаться в монастыре, а значит у неё, Аполлинарии, осталась надежда видеть послушницу, невольно запавшую ей в душу и заменившую дочь. Но именно безразличие и испугало Аполлинарию: за всё её старание та не проронила ни единого слова.

Сестра Аполлинария вошла к себе в келью и начала молиться за Смарагду. Однако воспоминания заполнили её голову сами собой.

Невольно вспомнилось, как в детстве она читала перед сном ей сказки. — Ведь нравились же ей они!

Она это видела своими глазами. — Девочка жила в этом мире! И что же? Может, в этом я сама виновата? Не научила дочку жизни в реальном мире, а теперь – оттолкнула, оторвала от себя? Нет, девушке пора узнать реальную жизнь, иначе она навсегда останется в этом вымышленном, несбыточном мире! Как бы это ни было больно.

И сестра Аполлинария, встав с колен, пошла за сестрой Фелицатой, которой и предстояло увезти девочку к себе на подсобное хозяйство монастыря.

3.

Середина августа 1891 года, д. Терновка, Кирсановского уезда.

— Марусь, а Марусь, ну покажи еще! — уговаривала Марфу Акулина, дочка старосты и сестра Акимки. Она была на год младше его, ходила с подружкой везде и даже пыталась ей подражать. Но так изображать всех, как это делала Марфа, ей никогда не удавалось. Ей, как лучшей подруге, Марфа разрешала звать себя так, как это делала её мать. — Марусь, а Марусь, ну давай барыню!

Наконец подруга согласилась.

— А ты, Акимка, отвернись! — Марфа ткнула пальцем в высокого подростка с пушком волос над верхней губой. От горящих глаз его шло такое волнительное притяжение, что ей стало как-то не по себе. — А то не буду!

— Акимка, черт длиннорукий, отвернись! — Акулина бросилась к брату, закрыла его глаза своими ладонями, встав со спины его на пенек.

Акимка ухмыльнулся: он видел Марфу через узенькую щель пальцев, но ничего не говорил. Марфа нравилась ему. Он даже и сам не понимал, почему она постоянно притягивает его взгляд: то ли в этом была виновата её округлая грудь, похожая на половинку большого яблока, то ли хорошо развитые бедра, то ли мягкая, блестящая, чуть маслянистая кожа.

— Не-е, самое красивое у неё, это глаза! — решил он, разглядывая коричневые глаза, спрятанные под густыми бровями, которые от переносицы сначала поднимались вверх, потом ломались и опускались вниз. В сочетании с носом и пух-

лыми губками они создавали впечатление о девушке хрупкой и нежной, требующей защиты настоящего мужчины, такого, как он. И снова он оглядел её молодое и гибкое тело, на которое она натягивала юбки, чтобы выглядеть, как барыня. — Э-у, груди лучше!

— Ну, всё, можно! — крикнула Марфа, чтобы Акимка и еще двое парнишек, закрывших себе глаза, таких же как и он, могли посмотреть на неё.

Акулька, увидев в этот раз Марфу в виде барыни, не только заулыбалась, но даже захлопала в ладошки. Двое подручных Акимки тут же заплодировали.

Марфа, подражая своей походкой барыне, шла по дорожке к большому пеньку, который, по всей видимости, представлялся ею каретой. При этом она крутила веточку, будто в руках у неё был зонтик.

— Эй, любезный, подай-ка хуку! — она тронула ствол березки перед пеньком, запрокинула на бок голову, как это делала однажды одна приезжая барыня, завела глаза куда-то вверх, потом вниз, одарила полупрезрительным взглядом публику, быстро улыбнулась ей и также быстро погасила свою улыбку. После этого томно тронула плечо «возницы».

Акимка чуть было не сорвался, чтобы подать ей свою руку. Взглянув на восхищенную Акульку, с восторгом следящую за каждым движением «артистки», остался на месте.

Марфа же, грациозно садясь на пенек, расправляла юбки и, касалась плеча «возницы» импровизированным зонти-

ком мягко и необычайно ласково потому, что уже ощущала и представляла себя на самом деле той барыней, которую когда-то видела. И вместо пенька она видела молодого кучера в черно-желтой ливрее, а себя – богатой, независимой, красивой и всеми обожаемой женщиной.

Ей хотелось всем крикнуть. — Разве вы не видите? Это я – ваша барыня! Неужели это так трудно понять? Мне так хочется, чтобы вы увидели мои богатые юбки, мои красивые волосы, выпуклую грудь и тонкую талию, мои нежные руки! Я весела и беспечна. А вы – мои слуги. Любите меня!

Она улыбалась им, помахивала своим веером, хвасталась своими темно-русыми волосами и даже подпрыгивала на пеньке, показывая, как едет по неровной дороге.

Как это ни странно, но одни и те же ужимки и гримасы быстро надоели Акимке. Откуда-то появилась зевота. Неожиданно у него вырвалось вслух то, о чем он подумал. — Никакая ты не барыня! Давай, кончай этот балаган.

Марфа сама не поняла, откуда в её душе поднялся такой ураган: оборвав своё представление, она, красная от охватившей вдруг ярости, спрыгнула с пенька и в два прыжка оказалась у Акимки со сжатыми зубами и побледневшими костяшками кулаков. Глаза девушки пожелтели и из круглых превратились в черную полосу. Рот раскрылся, обнажив клыки, волосы встали дыбом.

От страха Акимка замер на секунду, потом попятился. Ему даже показалось, что перед ним стоит рассерженная

волчица. Именно этой секунды вполне хватило Марфе, чтобы стать самой собой, остановиться и не вцепиться ему в шею своими клыками.

— На тебе! На тебе! На тебе! — повторяла она, нанося удары ему по лицу, рукам, телу и голове, пока не остановилась без сил, перед сжавшимся в комок сыном старосты. — Ох, и гад же ты, Акимка, ох и гад!

— Да чо я такова сказал-то? — оправдывался Акимка, вытирая слезы и кровь из носа. — А ты? Зверюга какая-то!

Акулька, замерев, не знала, кого ей нужно поддерживать: брата или подругу? Их она любила одинаково, но вид крови из носа решил всё: она кинулась к брату и начала вытирать ему кровь платочком, сердито поглядывая на подругу и жалеючи — на брата, который так и не решился сдать Марфе сдачи, хотя был выше на целую голову.

Как это ни странно, но именно кровь, которая текла из носа Акимки, внесла в душу Марфы сумятицу: с одной стороны, она была рада поражению противника, а с другой стороны, уже готова была его пожалеть.

— Маруськ, ну, ты чё ж так ту! — Акулька обнимала брата и вытирала его бороду, на которую двумя маленькими ручейками текла кровь.

Неожиданное раскаяние, которое все больше и больше охватывало Марфу, вдруг нарушилось новой вспышкой гнева.

— А пушшай не! — она и сама не знала, что хотела сказать

этим. — Не лезет? Так он и не лез. Тогда зачем его бить? Нет, за что-то ведь я его била! А, вот, сказывал плохо про барыню. А, вот. «Никакая я не барыня!» Так?! И пальцы её снова сжались в кулаки.

— Да, пушшай я не барыня! Так чо мене об ентом говорить? Какую тиятру мене испортил! За то и получил! — её все еще трясло, но уже нападать она не хотела.

Пот выступил на лице, лбу и пояснице. Душа ныла, как незаживающая рана. И та, которой только что восхищались все, вдруг произнесла. — Да пошли вы, все!

Марфа повернулась и побежала: слезы душили её. Обида хуже каленого железа жгла душу и сердце. Руки, не знающие, чем бы заняться, начали ломать сучья кустарника, попадавшего на пути.

И побежала не домой. Бежала к речке, куда влекла её истомившаяся душа. Там, на песчаном берегу и успокоился её мятежный дух. Через некоторое время она уже лежала на спине и смотрела в небо на уплывающие вдаль облака и ни о чем не думала.

Дома ей мать сообщила, что корову Зорьку уже продала, и скоро придут покупатели их хаты. Однако на Марфу это сообщение не произвело никакого эффекта: ей было все равно.

А еще через несколько дней они уже ехали в Поганку к тетке Наталье. Марфа о своих друзьях даже не вспоминала.

4.

Начало июля 1895 года, хутор Поганка Балашовского

уезда

— Работай, работай! А когда же отдыхать? Я чо, ломовая лошадь так вкалывать? Так-то вся красота моя увянет! Ай! — вскрикнула Марфа, сильно уколов палец о шип колючего кустарника.

Ведь сама в этот кустарник специально залезла, чтобы спрятаться от матери. Попросту ей надоело всё время делать одно и то же. Но боль прервала её ворчание и она, недолго думая, засунула палец в рот, пососала и стала дуть на него.

Вид крови на пальце почему-то сразу же напомнил ей о сне, который сегодня видела. Девушка улыбнулась и тут же, выбравшись из кустарника, улеглась на траву.

В голову полезли мысли. — Ну, и что? Ну, и видела себя голой во сне. Это что, плохо? Посмотрела, вроде все на месте, никакого убытку. Только что-то не помню, гнался за мной парень или нет? Похоже, нет. Не гнался. А жаль! Только вот не пойму, чего я в грязь-то забралась? Как чумичка вылезла. Ну, чисто как теткина свинья. Вся в грязи!

Напоминание о тетке Наталье заставило Марфу нахмуриться: нелюбовь у них была взаимной и с самого начала. Мать еще как-то гасила вспышки вражды, но они становились всё чаще и длительней.

Она встала и осмотрела поляну: где-то поблизости должна быть мать, которая собирала с ней землянику для хозяев. Однако тишина была подозрительна.

— Ма-ам! — тихо крикнула Марфа, внимательно огляды-

вая лес возле поляны. — Ма-ам, ты где?

Девушка даже вытянула шею, чтобы лучше слышать и видеть. Даже как зверь начала впитывать все запахи, идущие от леса, чтобы найти её.

И всё же дочь что-то услышала: то ли стон, то ли вздох донесся до неё из дальней части поляны. Но и этого было достаточно, чтобы она побежала к тому месту, откуда послышался странный звук.

Ноздри её расширились, глаза сузились, ноги и руки работали как единый механизм, подгоняемый страхом, и быстро доставляли к цели. Однако скоро снова услышала стон и теперь ясно почувствовала запах матери. В последнее время мать опять начала пить, не обращая внимания на ворчание тетки Натальи.

В пестроте полутеней леса глаза Марфы быстро обнаружили мать: она лежала на боку и тихонько стонала. Страх молнией пронзил душу Марфы.

— Мам, ну, чо ишшо? Я те сколь раз говорила, не пей проклятую, а ты? — наклонившись к матери, она принюхалась и впервые испугалась по-настоящему: это не был запах самогона. Заколело сердце. — А как же я? Я-то как?

Невольно её глаза наполнились слезами жалости к себе, несчастной. Вдруг руки вцепились в мать и Марфа начала багроветь от ярости. Лицо её вытянулось, глаза сузились, на скулах заходили желваки. Не то крик, не то хрип вырвался из её рта. — Не смей! Не смей, гадина! А я как? Кому я нужна?

Возможно этот крик остановил уже закатывающиеся глаза Глафиры. Возможно, это было последнее желание сказать ей что-то очень важное. А, может, был просто последний порыв перед агонией, но мать вдруг поняла, кто стоит перед ней и, поставив на карту свои последние силы, начала тихо говорить. — Змея! Ты мне не родная!

И мать подняла голову так, чтобы в последний раз взглянуть в глаза той, которой посвятила всю свою жизнь. Вдруг у неё мелькнула мысль, что в родильном приюте Марфе было бы легче, чем с такой пьяницей, маяться. — Прости. Ищи се.

Силы вдруг умирающую покинули и голова безвольно упала на руки Марфы.

— Не смей! — напрасно кричала дочь, ударяя по щекам матери, и никак не соглашаясь с тем, что та умерла. — Кого искать? Кого искать-то? Не смей!

— Змея?! — тут до Марфы дошло, что змея, укусившая мать, может еще оказаться здесь. От этой мысли у неё разом похолодели и руки и ноги: неожиданно вспомнился сон, который она видела много лет назад, когда эти змеи, шипя и извергая огонь, показывали ей свои смертоносные зубы.

Она вскочила на ноги и стала дико озираться вокруг. И, только убедившись, что ей ничего не угрожает, снова нагнулась к матери. — Ма-ама, Ма-а-мочка, а как же я?

Наконец до нее дошло, что мать уже мертва. И она, как стояла на коленях перед ней, так и уткнулась своей головой в грудь последнего родного человека.

— Чо делать-то? Как жить? И зачем жить? — вопросы один другого тревожнее и страшнее будили её воображение. Сцены, в которых конец её жизни представлялся скорым и ужасным, проходили перед глазами. Марфа ждала прихода смерти. Но минута проходила за минутой, а смерть почему-то не наступала.

Это Марфу начало обнадеживать, ведь, несмотря на страх, где-то далеко-далеко внутри неё жила маленькая искорка надежды. — Так не должно быть! Это несправедливо! Ведь я, такая красивая, такая ладная, такая гладкая и молодая, еще не успела пожить всласть, не видела ничего такого, что бы манило и сулило яркую веселую жизнь! Матери-то что? Она-то успела! И мужик у неё был. И везде побывала. Где там бывала? Ага, в Балашове была! Ну, вот, а я еще нигде не бывала. И где же она, справедливость-то?

К своему удивлению, скоро Марфа обнаружила, что сердце её стучит, как и прежде, ровно. Открыв глаза и вытерев слезы, увидела, что за это время в мире ничего не изменилось. — Ну, разве что мать её умерла. Ну, так ведь змея же! Укуси меня змея, так и я бы скопытилась! И что тогда я тут сижу, слезы лью? Надо тащить мать домой!

И, поняв, наконец, что жизнь на этом не кончилась, Марфа улыбнулась. И тут же, вытерев появившийся пот на поясице, задумалась.

— Это чо ишло она сказывала-то? — спросила сама себя, чтобы проверить, всё ли хорошо запомнила в последние

минуты жизни матери. И, уже спокойно размышляя, попыталась просто повторить слова её. — «Змея». Чо ишло там? А, «Ты мне не родная». Не родная? То исть как это? Я – не мамкина? А чья же? Ничего не понимаю! Может, чо перепутала? Да, наверно, перепутала!

И, кое-как закинув мать себе на спину, как вязанку хвороста, побрела, шатаясь из стороны в сторону, к дому тетки Натальи. Она то пыхтела, то плакала от обиды, что именно ей досталась эта работа, сердилась, то на себя, то на мать, которая так не вовремя и не на месте умерла.

Какой-то нездешний парень, вихрастый и высокий, еще издали увидел и помог дотащить мать до дома, даже занести в дом. Несмотря на то, что Марфа к тому времени совсем выбилась из сил, она успела заметить, что парень всё делает спокойно и уверенно. Еще больше её удивило то, что он незаметно исчез, как и появился, не требуя ничего за свою работу.

Схоронили Глафиру на кладбище в тот же день. Провожали её в последний путь лишь самые близкие люди – тетка Наталья с мужем, да Марфа. На могилке матери Марфа просидела до позднего вечера без слез: в душе поселилась пустота.

Однако, когда же Марфа подошла к теткинскому дому, от этой пустоты не осталось и следа. Мало того, она бы бросилась хоть сейчас на звуки гармошки и частушек, если бы не похороны матери. Даже выделила из всех голосов один – го-

лос молодого сына управляющего помещьем Нарышкиных. И тут же вспомнила, что он давно заглядывается на неё.

— А чо? Может, и выйду за него! Топерича-то некому меня сдерживать. — решила она, и, улыбнувшись своему решению, пошла в дом тетки.

В доме давно пили самогон и пели тягучие старинные песни. Ей даже обидно стало, что никто сначала её и не заметил.

— На вот, выпей, голубка, с горя. Ить мать потеряла! — произнесла тетка Наталья, по-своему жалея Марфу.

Но Марфа и сама не поняла, что же именно оскорбило её. — Может лицемерие тетки, никогда не любившей её мать? Мало того, на похоронах она узнала, что тетка считала именно её виновницей преждевременной смерти своего брата и отца Марфы? А, может, оскорбила жалость человека, которого Марфа сама не любила, а потому и не захотела, чтобы её пожалели?

Только девушка резко встала, отвела в сторону рукой стопку и подошла к столу, налила себе полный граненый стакан самогона и молча опрокинула его себе в рот. По-мужски. Разом.

В голове всё закружилось, все невзгоды, и заботы разом куда-то улетели, на душе стало легко и приятно. Так, шатаясь из стороны в сторону, добрела до тахты и улеглась на неё. Последнее, что услышала в приглушенном разговоре тетки Натальи с кем-то, было сообщение о том, что сын управляющего завтра женится на какой-то барышне из города.

— Во-о-от, сво-о-олочь! — пробормотала Марфа заплетающимся языком по поводу своего потенциального кавалера, махнула на всё рукой и блаженно заулыбалась: в голове её всё завертелось и закружилось. Через минуту храп Марфы уже сотрясал дом тетки Натальи.

5.

Середина августа 1896 года, хутор Поганка Балашовского уезда.

Марфа в огне, ей жарко. Вот она сбрасывает с себя одежду и остается в одной рубашке, как и все остальные, прыгающие вокруг огромного толстого столба с маленькой шляпкой. Вокруг него разложен огонь. От него идет сильный жар. Вот кто-то берет её за руку. — Это он, сын управляющего! Но ведь он же женат?! Так почему же тогда он здесь? Здесь ведь собрались только молодые парни да девки. Тогда чего же ему надо?

Он тянет её к себе и зовет. Тут откуда-то из-за огня мать ей протягивает руку и кричит. — Не верь ему! Будь с ним осторожна!

Только Марфа почему-то не слышит ее голоса. Может потому, что та тут же исчезает, растворяется в воздухе?

Вся в поту вскочила Марфа с тахты и тут же зажала себе рот руками: было еще темно, а Вечный Художник только начал раскрашивать восток на горизонте зеленовато-красными тонами. Она осторожно легла на подушку и задумалась. — Что же всё это значит?

Дрожь почему-то никак не проходила. Память услужливо вернула её к недавнему сну. — Что-то сильно знакомое было в этом столбе. Но где же она это видела? Так и не вспомнив, переключилась на Ваньку, сына управляющего, который уже с год, как женился, уехал в город и не появлялся здесь. Да и что ему здесь делать-то? Небось, со своей мадамой где-нибудь ошивается! Он ведь теперь-то, небось, богатей первеющий. Что ему тут делать-то?

Марфа злилась и на себя и на мать, и на всех остальных. — Такой был жених и уплыл! Да в город! Эх, бедная я, несчастная, сиротинушка. Не кому меня поласкать – пожалеть! А ведь могла бы, могла быть на месте той. Пролезть в барышни. Ить вон как зыркал он в мою сторону!

Вздыхнув горько, повернулась она на бок и закрыла глаза. Но сон не шел.

— Может, плюнуть на всё это, да тоже податься в город? — подумала она, поворачиваясь на спину. – Тут все надоело, спасу нет. Что, я хуже других? Уже скоро бабой-переростком стану, а мужика подходящего до сих пор нету! Да и где ж их взять-то тут? Они сюда даже и не заходят! Вот в городе их полным-полно. Да только страшно как-то туда. Одной-то. Может, кого из девок сговорить? Вдвоем-то не так страшно будет!

И тут же удивилась своим мыслям. — Как это ей, бесстрашной драчунье с местными подростками, страшно? А почему? Этого она и сама не знала: просто страшно, да и всё!

Может в церковь сходить, помолиться?

От такой мысли ей самой смешно стало. — Она — и в церковь? Сроду никогда не ходила и вот те на — новая молельщица. Да я даже и не знаю, кому свечку — то ставить, не то что молитвы! Отцу? Матери? Так она же мне ясно сказывала: «Ты не родная мене!» Так что ещё? Что тогда им свечки ставить? Надо мне разобраться, как это я у них оказалась? Может, украли меня маленькой и присвоили, а я была дочка, какого ни будь барина или барыни?

От такой мысли Марфа вся похолодела: уж слишком близко она подошла к своей заветной мечте!

Однако память упорно делала своё, складывая из разных воспоминаний своих, фраз отца и матери, некое уродливое изображение. Скоро Марфа ясно представила себе. — Да, её воруют у богатой барыни и увозят далеко-далеко!

— Эх, бедная я, бедная сиротинушка! И никому-то я шаз не нужная! Такая ладная, такая красивая, а вот мужика-то нету! — запричитала она снова, жалея себя. И тут же обзлилась сразу на всех. — Вот, сволочи! Я ба шаз в городе-то и не за Ваньку выскочила!

Она долго ворочалась со спины на бок и обратно, пока тетка Наталья не загромычала ведрами у дверей, а через минуту её сердитое лицо увидела и Марфа.

— Чо валяесси? Вставай, иди, дай еды скотине! — коротко приказала она, увидев открытые глаза Марфы. — Облепилася! Скоро ужо бабой станешь, а ишшо так ни чо и не

умешь!

— Енто я-то не умею? — возмутилась Марфа и, скинув одеяло, вскочила с тахты: она сейчас была готова кинуться в драку. Но на то тетка Наталья и была опытной женщиной, чтобы с первых нот почувствовать, какая сегодня Марфа, и вовремя исчезнуть в сенях.

Марфа усмехнулась. Этот ход тетки был уже не первым, так что она уже научилась правильно на него реагировать. — Пускай думает, будто я злюсь!

И стала одеваться. Однако настроения, как не было, так и не появилось. К тому же она ненароком свалила со стола зачерствевшую корку хлеба. И что-то тревожное вошло в её душу вместе с этим падением.

— Ох, как они все мене надоели! — проворчала она, накидывая кофту. Рука почему-то никак не входила в рукав, и кончилось все тем, что оторвалась пуговица. — Ну, вот, теперь и пуговица!

Конечно, она прекрасно понимала, что дело вовсе не в пуговице и не в корке хлеба, а в чем-то гораздо большем, но додумать, тем более принять меры ума уже не хватило. А, возможно, и вовсе бы не смогла, учитывая её сверхподвижный характер.

Возможно и потому, что Марфа жила чувствами, эмоциями и интуицией, совсем не опираясь на знания. К тому же учиться чему-то основательному вовсе не хотелось. Зато, не имея таких знаний, она мастерски научилась прислушивать-

ся и присматриваться к эмоциям своим и других людей.

Неясные ощущения, которые иногда тревожили её душу, сразу же выделялись ею. Однако она пока не могла их понять и применить на практике, а потому, как правило, откладывала в долгий ящик. Но все то, что хоть как-то касалось богатства и денег, изучалось и отрабатывалось ею от начала и до конца гораздо лучше других.

Это была её стихия и плавала она в ней, как рыба в воде. Кстати, именно это и злило тетку Наталью, которая никак не могла понять, ворча. — Как эта «басурманка» умудряется иметь личные деньги и откуда? И почему она ими не делится со мной?

Поумнев от жизни и раскусив свою хозяйку, Марфа теперь часто злила её специально.

Но сегодня это делать больше не стала. Возможно, этому способствовала неясная тревога. — Сон? Или что-то другое?

Так до конца и не поняв, что же тревожило ее мятежную душу, Марфа ушла из дому. Ей хотелось хоть немного подзаработать на сборе яблок в плодпитомнике. Идти до садов нужно было долго, поэтому приходилось поторапливаться.

— Тпр-ру!

Знакомый голос и запах дорогой махорки Марфа узнала сразу же. Даже более того: этот запах, она очень хорошо запомнила, особенно после того, как Ванька Розенбах, сынок главного Падовского управляющего, прижимал её к забору, лапал руками и целовал, добиваясь значительно большего.

Марфа, конечно, целовать себя ему разрешала, но рукам волю не давала, очень хорошо зная, чем всё это может кончиться. Про себя потом часто причитала. — Ох, сиротка я, разнесчастная! Не кому за меня заступиться. А Ваньке? А Ваньке — тем боле! Знаю, чо ему надо. Не така дура, как некоторые! А Ванечка, он такой: мастак девок брюхатить. После венца — всё по полной форме!

— Ково я вижу? Марусичка?! Дак ты за год-то ишшо краше краля стала! Ишь, како яблочко? Соком-то так и брыжеть! Моgetь, дашь откусить?

— А-ха, ишь чо захотел? Чо зенки-то свои поганы вылупил? — Марфа выпятила вперед своё крутое бедро и грудь, как это делали богатые барышни.

Слова её, тем не менее, вовсе не вязались с тоном. — Чего греха таить? Мне нравится и его говор, и тон, и подход. А может просто, не встретив его ни разу за весь прошедший год, я уже простила ему измену — женитьбу?

Вполне возможно. Но было и другое: каким-то образом свыкшись с мыслью, что она — тоже барышня, но только украденная, она невольно простила его. И даже соскучилась. — Иди, вона и откусывай от своей мамзели. Ты жа жанилси!

Ванька ухмыльнулся и вздохнул. Проглотив пилюлю, сдаваться меж тем даже и не собирался: он знал, что Марфе нравится. Да и Марфа ему нравилась больше других.

— Ты чо думаешь, я сам? — хоть и говорил он серьёзно, но по-волчьи разглядывая её прелести, хитрил. Он сам со-

гласился с отцовым предложением. — Да! Ну и что? Только дурак упустил бы такое богатство! А Марфа? А что Марфа? Марфа баба фигуристая, хоть и с характером. С ней можно и так встречаться!

И он улыбнулся своим мыслям. — А с отцом-то как спорить? Ежели ен грит: либо ты женисси на барышне, либо сдам в армию! Вот и пришлось...

— Ну-ну, давай, заливай. — Марфа мотнула головой, уже не осуждая своего любимого. — Ага, оправдыватси. То-то жа! А то: жанюся, жанюся! А сам?

Она вытянулась в струнку, гордо вышагивая к саду.

— Ты чо, не в сад ли идешь работать? — спросил Ванька, всё еще пытаясь у неё разузнать место, где можно будет еще изловить свою зазнобу.

— А те-то чо? Ить ты ж топерича городской! — быстро отмахнулась Марфа, смущенно улыбаясь. Как никак ей все-таки было приятно. — Ну, чо, стерва, взяла? Украла у меня дролю, обжанила, да не обратала! Вот он тута. Захочу и мой бут!

От такой мысли ей вдруг стало легко на сердце и весело.

— Не, не городской! Отец опять вернул к вам. Управляющим! — Ванька не удержался и похвастался своим повышением. Довольная улыбка от уха до уха с потрохами выдавала все его чувства, которые тот уже больше сдерживать не смог. Почувствовав это, быстро перекинулся на другую тему. — Маруськ, а Маруск, ты чо ж забыла меня?

— А-ха, это я-то? Бедная я, сиротинушка, разнесчастливая!
И ножки вроде ничо, и грудя... Не как у некоторых жен!
— Марфа хоть и уколола Ваньку, но не злобливо, а больше так, для порядку. — Пусть знает, ково упустил, скотина бесхвостая!

И Ванька это понял, даже слюну проглотил.

— А ежели я тебе нонче найду. Не прогонишь палкой?
— он уже снова улыбался во весь рот.

— Ладно уж. Не прогоню!

И побежала по оврагу: от плохого настроения не осталось и следа. Меж тем Ванька, хитро усмехнувшись, ударил ладошкой об ладошку, взял хлыст и погнал свою лошаденку.

В таком настроении Марфа пребывала до самого обеда, собирая яблоки. Когда ей осталось снять на своей последней яблоне несколько яблок, она услышала сзади мужской голос.
— А ведь я тебя давно знаю!

— Странно! — подумала она, продолжая собирать яблоки и не оглядываясь на задушевный голос. — Чо-то не припомню, чей это голос. И кто енто такой меня давно знает?

Не в силах больше совладать с нахлынувшим интересом, она обернулась и оказалась лицом к лицу с парнем, которого вроде бы никогда не видела. — Нет, что-то знакомое в нем есть. Но что? Хоть убей — не пойму! Где ж я его видела?

Пока Марфа мучительно вспоминала, где могла встречать его, вихрастый парень, ростом выше её на целую голову, широко и добро улыбался ей. Он не торопил, не тормозил во-

просами. Просто ждал ответа. К тому же снял одно яблоко и положил ей в корзину.

Такое поведение незнакомца тронуло душу Марфы и смутило её, одновременно даже как-то расположив его к себе.

— Я чо-то не припоминаю тебя. — просто призналась Марфа, поняв, что вспомнить место, где она могла видеть этого парня, больше уже не сможет.

— Так это я год назад помог тебе дотащить до дома мать! — неожиданно произнес парень и печально улыбнулся, понимая, что напоминает девушке о горестном событии.

— А-а-а, вон кто. — Марфа тут же вспомнила, что не отблагодарила его тогда, и протянула ему руку. — Я даже не успела тебе сказать спасибо! Марфа!

— Потька. — он пожал её руку и засмутился, увидев удивленные глаза девушки. И поправился. — Потифор, значить. Мы тута, значить. С брательником. Приехали, значить. Вот увидел тебя. Ну, значить. Вот решил сказать, значить.

— А кто это мы? — Марфа уже улыбалась: вся настороженность от первого момента встречи с этим простым деревенским парнем сама собой куда-то улетучилась. — Было в нем что-то такое. Медвежье, что ли? Неуклюжесть какая-то. Или явная принадлежность к земле? Вот: умение жить на ней! Даже то, как он смутился, ценя её красоту, явно восхищало Марфу.

— Чо, нравлюся? — нахально спросила она, прекрасно зная ответ. И ждала, решив испытать его на правдивость.

— Нрависси! Ты, вот чо, значить. Выходь за меня!
— неожиданно произнес он, смотря ей прямо в глаза. — Я ишшо тоды, значить. Год назад понял, значить. Окромья тебе, значить, мене никто и не нужен!

Марфа открыла рот от удивления. — Прост, прост. Но не так же. Во даёт!

— Эй, Потька, ты иде? – крепко сложенный юноша, чуть моложе и ниже Потифора, белобрысый, в синей распущенной рубахе выскочил из-за яблонь и устоялся на Марфу. — Потька, слышь, пошли. Дело надоть кончать!

— Енто, Маруся, значить, мой брательник – Никишка. — Потифор был явно недоволен тем, что брат прервал свидание и разговор с Марфой на самом важном моменте. — Значить, ежели ты не против, я ишшо к тебе приду! Ить я, значить, знаю, иде ты живешь.

Марфа улыбнулась и кивнула головой. Потифор повернулся и исчез с братом в яблонях.

— Надо же как: Сначала Ванька... И вот топерь – Потька! — подумала Марфа. – Имя-то какое-то смешливое Потти-фор! Ха-ха-ха! Замуж зовет. И пойду! Всё подальше от тетки, ха-ха-ха! А брательник-то у Потьки нахальный: так и пялиться на меня во все глаза! А что не пялиться? Что не пялиться-то?! Ведь не баба Ванькина! Та доска-доской, а у мене всё без изъяну: и ножки, и грудь! Пускай пялится. Надо вечером приодеться получше. Всё ж таки свиданка, как никак...

Марфа, улыбаясь, несла корзину с яблоками к телеге, которую прислали за яблоками.

— Ванька приказывал тебе быть в конторе... — тихо шепнул ей молодой парень, отойдя от черной кобылы, которую запрягли в телегу с яблоками. — Даже меня к тебе послал. Приказал ехать со мной на телеге на свиданку.

— Да пошел он к едрене фене! — ругнулась она: мысль о том, что кто-то может вот так, запросто, приказать ей делать то, что вовсе не хочется, вдруг оказалась для Марфы нестерпимой. — Пушшай евоная мамзеля на свиданку к ему бегат!

И пошла от телеги, не видя, как заблестели глаза у парня. Она даже не слышала его восхищенный шепот. — Вот енто бабёнка! Вот енто по-нашему!

Марфа шла домой тем же оврагом, предвкушая удовольствие от свидания с Потифором и придумывая, какую прическу себе сделает, какую кофту и юбку наденет. Не окажись девушка в таком беззаботно-возвышенном состоянии, возможно, заметила бы странную тень в кустарнике на краю оврага.

Удара по голове Марфа не ожидала, и оказать достойного сопротивления не смогла. Лишь услышала где-то далеко-далеко. — А вот и я. Ты не захотела сама, ну дак я к тебе пришел!

Как во сне она ощущала знакомый запах Ванькиной махорки, которой дышал ей в лицо насильник. Тело её будто одеревенело и стало чужим: ни рука, ни нога слушаться не

хотели, крепко прижатые Ванькой к земле.

Очнувшись, она ощутила в себе нечто инородное, равшее в клочья её бунтующую плоть и попыталась бороться с врагом. Но не тут-то было: увидев растущее сопротивление девушки насильник взвинтил темп и силу своих ударов. Все попытки вырваться заканчивались неудачей.

В пылу борьбы Марфа вдруг ощутила, как вихрь чего-то нового, необыкновенно нежного и одновременно жестокого, взвинтил всё её существо до такого состояния, что реальность расплылась: вместо Ванькиного озлобленного лица появилось улыбающееся лицо Потифора. Она на миг расслабилась, перестала бороться, и вся устремилась навстречу новому чувству, все выше и выше поднимавшему ее в голубое небо, озаряющегося разноцветными вспышками цветов, один краше другого. Увидев один из них, самый большой и самый красивый, Марфа потеряла сознание.

— Ну вот. Ишь как овечка послушная стала! — засмеялся Ванька, застегивая штаны и видя, как Марфа начинает приходить в себя.

Медленно понимая, что только что произошло нечто страшное, ломающее всю её жизнь, она медленно поднималась, прикрывая грудь и бедра остатками одежды. Сильная боль в голове мешала сосредоточиться и всё осознать окончательно. Осталось лишь чувство, что где-то внизу было Ванькой испорчено, испоганено её естество.

Слезы текли по щекам Марфы, а губы тихо-тихо шептали.

— Вот и усе, милый Потифор! Вот и усе, дорогой. Разве тебе нужна девья спорченная? А усе вон ентот виноват! У-у-у, проклятуший!

Жаль, что Ванька не видел эти глаза. Он не стал бы беззаботно раскуривать козью ножку.

Меж тем Марфа вовсе не собиралась это прощать своему обидчику. Удар ногой в промежность переломил Ваньку пополам: он охнул и согнулся. Как под руку ей попалась толстая палка, Марфа потом никак не могла вспомнить. Сильнейший удар палкой по Ванькиной шее довершил её мечь: тот охнул и уткнулся в траву лицом без движения.

Марфа плюнула в его сторону со словами. — Штоб ты сдох!

И, отбросив далеко в сторону своё оружие, повернулась и пошла, шатаясь, домой. Лишь один раз она повернулась, посмотрела на неподвижное тело своего врага и зло сказала. — Сволочь, так тебе и надо! А я ещё тебя любила.

Она шла и ничего не видела. Сильная дрожь колотила тело так, что зуб не попадал на зуб. Но и этого Марфа не замечала. Один единственный вопрос, возникший в её мозгу сразу же, как только она выбралась из оврага, бился, толкался и будоражил весь мозг, не находя ответа. — За что? За что так со мной?

Слезы, заливавшие лицо, просто сбрасывались машинально на землю и не замечались. А ответа все не было и не было.

Так, не заметив по ходу свою Поганку, она пришла к Хо-

пру. На душе было непривычно пусто. Слезы перестали душить. Даже страх пропал.

Казалось, сама природа ей сочувствует – хмурые тучи одна за другой застилали весь горизонт. Однако бестолковым лягушкам было всё равно, горюет Марфа или нет: они заливались своим стрекотанием без всякого умолку на разные голоса.

Пожалуй, лишь Хопер-батюшка понимал Марфу всю без остатка: разом разглядел свою поверхность так, что только редкие юные и непослушные струйки, кое-где выбившиеся на поверхность, еще радостно крутились в воронках, но тут же исчезали в глубине, застигнутые строгим взором хозяина.

Это был её затон. Здесь Марфа любила купаться. Сюда приносила свои беды и рассказывала их тихо-тихо своему другу Хопру. Однако на этот раз она даже не обратила на Хопер никакого внимания. Сразу же устремившись к большому валуну, на котором когда-то любила греться на солнышке.

Между тем, решимости такой была своя причина. И причина эта могла бы объяснить нахмуренные решительно брови, кулаки, сжатые до белых костяшек. Не снимая сарафана, она соскользнула с камня прямо в воду и погрузилась по колено.

Однако, не успела Марфа сделать и шага, как стайка мальков атаковала её пальцы, уткнувшись своими носиками в теплую шелковистую кожу – это Властелин реки решил по-

своему поддержать девушку.

Но девушка решительно сделала шаг вперед, в этот раз погрузившись в реку уже выше колен. Тогда за ее пальцы уже взялись пескари, обсасывая их и тычась своими усами в щели между ступнями и песчаным дном.

— Кому я такая нужна? — Марфа не узнала своего голоса: этот неуверенный трескучий, рвущий горло голос вовсе не был похож на прежний звонкий и уверенный. В этот раз она высказала, наконец, главную мысль, бродившую в ней всё время дороги и никак не оформившуюся в слова. И вот теперь её мысль обрела звучание. — Порченка!

Однако тут же уловила, как кто-то под водой тихонько крутится возле пальцев и щекотится.

— Ну, паразиты, вот я вас! — это была еще не улыбка, а только попытка улыбнуться сквозь горькую ухмылку. Но что-то уже произошло. В этой сплошной черноте жизни появилась огромная дыра, в которую начал брезжить свет надежды.

Марфа топнула ногой. И пескари тут же исчезли.

— Вот возьму и брошусь в воду! — этот голос она сама не узнала. Хриплый, сиплый и булькающий. — Разве это её голос?

Однако тут же кто-то внутри нее издевательски начал подталкивать. — Ага, давай – давай. Прыгай в воду! Вот посмеются-то твои враги. Они тут же раструбят всем вокруг: «Посмотрите на эту дуру! Ей только один разок сделали больно,

а она уже собирается топиться! Ну и черт с ней: баба с возу — кобыле легче!».

Да, этот кто-то хорошо знал, что нужно сказать, чтобы затронуть самое больное место девушки.

— Утопленницу захотели? Вот хрен вам! А вот возьму и не буду! — и в этот раз она не узнала своего голоса. Да и не голос это был, а рык какого-то раненного животного: громкий, сильный и хриплый. Глаза ее сузились, рот раскрылся в хищном оскале, обнажив крепкие клыки, готовые разорвать любого в клочья.

Кулак её с такой силой ударил по воде, будто бил своих противников. Раз, другой, третий. И вот она уже обеими руками била податливо-жесткую чистую воду, рыча на своих врагов, и не замечая, что с каждым ударом чистая вода смывает с нее нечто грязное и тяжкое, освобождая место чему-то новому, ей неизвестному. Однако каким-то звериным чутьем поняла, что стала значительно сильнее и неуязвимей.

Даже когда в погоне за своими врагами нырнула в прохладную чистую воду Хопра, насыщавшего её силой нового, неизвестного, скорее ощутила, чем поняла, происходящую в ней перемену. Будто змея при линьке, меняла кожу. Только это было не то: она сама менялась.

С каждым взмахом рук под водой очищалось её поруганное тело. И так ей было хорошо, что вынырнув, она улыбнулась радостно и погрузилась вновь в чудодейственные воды Хопра-батюшки. Раз за разом ныряла и выныривала,плы-

ла против течения, отчаянно пытаюсь победить его, пока не пришла окончательная мысль. — Надо жить и бороться за себя!

Когда же, устав от неравной борьбы с течением, Марфа вышла на берег и упала без сил на свой любимый камень, туч на небе не осталось, а ласковое солнышко начало усердно сушить её озябшее тело и мокрую одежду. Это уже была не та Марфа, которая хотела утопиться. На камне лежал боец, уже имевший опыт борьбы с насильником, и не кисейная барышня, готовая сломаться от первого удара Судьбы.

Время шло. Отдохнув, Марфа поднялась на локте, чтобы перевернуться, и тут же обнаружила мужскую фигуру, рядом с собой. Парень сидел спиной к ней и смотрел на Хопер, как это совсем недавно делала она. На Хопре то тут, то там плескались рыбешки, резвясь в чистоте воды реки.

— Т-ты кто? — слегка растерявшись, спросила она. В голове одна за другой забегали мысли. — Кто это? Почему он здесь? Видел ли он, как я пыталась?

Она даже не захотела произнести то ужасное слово, за которое сейчас приходилось краснеть. И пунцовая краска стыда разлилась по её лицу. Даже в глаза ему взглянуть не посмела – тут же опустила голову вниз.

— Да то ж я, Потька! Значить, вот. Порыбачить пришел. Ты ба, Марусь, тово. Прикрылася б штоль! — большой лохматый парень больше её смущался: оголенные ноги невольной соседки никак не позволяли ему повернуться. Однако

ради справедливости следует заметить, что когда он пришел и увидел её лежащей на камне, то долго не мог взора своего оторвать от красоты тела девушки. Пока не перекрестился и не сел рядом, отвернувшись.

Слова его привели Марфу в неистовый восторг: она мгновенно поняла, что парень не только не видел купания, но и смущается её вида.

— О-о-о, бедная я, сиротинушка! — попыталась она причитать, однако никакого причитания не получилось. Более того, новая интонация прозвучала как легкое подтрунивание над собой. Еще интереснее было то, что новая интерпретация понравилась значительно больше прежней! И теперь девушка выговаривала прежние слова, но совсем в ином значении. — Разнесчастливая. А-а, все вы, мужики, одинаковы! Одним лыком шиты.

В этот момент она как бы раздвоилась: с одной стороны Потифор принадлежал к когорте мужиков-насильников, а поэтому должен быть ею презираем. А с другой стороны, она была рада, что он нашел её именно сейчас, и встреча их происходит у реки, а не где-нибудь в ином месте. Поэтому её улыбка, озарившая лицо девушки, быстро сменилась полупрезрительной гримасой и плевком на берег.

— А ну, пусти! Чо зенки-то расставил? Бедную сиротинушку не видел? Дак на, смотри! – и она растянула на груди, как смогла, ворот рубахи.

Потифор, который набрался храбрости и повернулся к

ней, увидел блеск молодой шелковистой кожи на груди и смущенно опустил глаза.

Меж тем ничего не понимающие мальки суетливо осваивали мелководье. Что им до человеческих дел? Они сами только учились выживать в этом жестоком мире.

Мысли Потифора невольно устремились в недавнее прошлое, когда его взгляд ласкал ладную фигурку Марфы, собирающей яблоки. Как и почему именно на ней среди множества девушек, собирающих яблоки, остановился взгляд его, было до сих пор не понятно. И вот поди ж ты. — Маруся. И — только Маруся!

Конечно, тогда имени ее он не знал. — Но ведь чем-то она его тогда могла приворожить? Может своими карими глазами? Жгучей улыбкой? Нет. Ведь тогда девушка стояла к нему спиной. И все-таки каким-то образом выделил её из всех. Так что же это такое? Отцово наследство? Ведь и он вот так однажды увидел мать в саду у хозяина и с одного раза полюбил!

Потифор улыбнулся своим мыслям. — Да, это у меня от батьки! Вот привезу эту девушку к себе домой в Малиновку, женюсь, заведем кучу детишек. Отец Мардарий похлопочет за землю и нам выделят много земли. А на ней, он, Потифор, построит хату и заживет в ней со своей красавицей Марусей! Народит она ему детей, как у батьки!

Невольно Потифор начал загибать пальцы, чтобы не ошибиться в счете, который он не так давно освоил. — Я, Потифор,

фор, – раз. Никишка – два. Авдюха – три. Агафья – четыре. Евсюшка – пять. Во скока!

Он был доволен: рука сжалась в кулак. И тихо прошептал. — А у мене будет их – шесть! Маруся нарожат. Она сможет!

И тут услужливая память, чтобы он особо-то не заблуждался на счет Марфы, выдала ему картинку: девушка, словно пьяная баба бредет, шатаясь, из стороны в сторону, совершенно не замечая никого. Так уж получилось, что Потифор тогда оказался поблизости и увидел её издали. Именно эта странная походка возбудила в нем любопытство, да время тогда не позволило разобраться немедленно. Привыкший удостоверяться во всем собственными глазами, он пошел по той же тропинке, как только освободился.

— Ну, и чо? Ну, и подсматривал! А чо, запрешшаетси? — спросил Потифор кого-то внутри себя, постоянно пристававшего со своими вопросами. Этот кто-то сильно сомневался в его искренности. — Я и хотел-то посмотреть, куды она пойдёт. И боле нечаво!

Сидевший внутри на время приумолк. Но самому Потифору уже было этого мало. Он вспомнил и представил всё. Как Марфа входила в воду, как стала бить её и рычать, как нырнула, как долго боролась с течением. И, особенно, с перехваченным дыханием – момент, когда она выходила из воды с прилипшим к телу сарафаном.

Все это он видел из кустов. Там и сидел, пока она не уснула. Тогда и подошел и сел рядом, спиной к девушке. Тогда,

как и сейчас мечтал он о детях, глядя на воду.

Однако голос Марфы тут же возвратил его к действительности. — Ты чо, не понял?

— Не понял. — ему было непонятно, за что с ним так обращается та, которую он собирается взять в жены. Неожиданно гордость разыграла в нем, будто жеребец заржал на конюшне: он оттолкнулся от камня и уже без всякого стеснения начал разглядывать то место, которое открыла ему девушка.

Однако тот самый, который был внутри, сразу же ехидно подначил. — Ну-ну. Давай, дай ей в морду или меж глаз!

Был момент, когда гнев ударил в его головушку, да быстро угас, разжимая его кулаки. И словно наперекор своему внутреннему врагу Потифор улыбнулся ей и спокойно сказал. — Ну, ты, значить. Усех-то мужиков не ровняй по одному!

Каким-то нечеловеческим чутьем Потифор неожиданно понял, что перед ним находится раненная птица, а вся внешняя бравада девушки — лишь защита её. И сказал-то это не думая, а поддавшись интуиции. Ведь именно она подсказала тогда. — Иди, иди за ней! И смотри, да не допусти плохого!

И пошел. А в этот раз почему-то сказала. — Смотри, взмахнет крылышками и улетит!

Ободренный такой подмогой, он хмыкнул в адрес своего внутреннего врага и снял свой армяк.

— На-ка вот! — и протянул дрожащей девушке его.

Марфа удивленно смотрела на парня, который должен

был по всем правилам за такое хамство наказать ее, а он еще и армяк свой протягивает! Она улыbnулась жеманно, как когда-то это делала в своем спектакле и протянула руку за армяком: стало холодно.

Быстро накинув на плечи, она спряталась в нем носом и невольно начала вдыхать мужской запах. Запах того, кто поделился с ней своим теплом. Здесь было все: и тонкий запах его тела – одновременно сладковатый и душистый, как свежескошенное сено. И крепкий запах махорки, которой баловался втихаря Потифор, помаленьку воруя ее у отца. И еще что-то: неуловимое, но приятное.

— Это запах его тепла! — решила Марфа, уже по-настоящему скромно пряча улыбку. Неожиданно ей в голову пришла простая мысль. — Неужели нашелся, наконец, тот человек, который готов по-настоящему взвалить все заботы о ней на свои широкие плечи?

И усмехнулась, невольно отметив, что у парня действительно широкие крепкие плечи. Впервые за много лет ей стало как-то необыкновенно приятно. Она даже не стала искать причину это чувства. Уткнувшись носом в армяк, она вдыхала запах мужского тела.

Потифор стоял и спокойно улыбался: он видел легкое смущение девушки и тихую блуждающую улыбку. И от этого ему становилось просто, светло и хорошо на душе.

Сколько времени прошло – ни он, ни она не ведали и не считали. Они уже сидели рядом на камне и смотрели на во-

ду Хопра, совершенно не думая ни о чем. Им было хорошо. И это «хорошо» не требовало ненужных слов. Однако, это «хорошо» все чаще и чаще требовало встречаться взглядами. И они, послушно повинувшись этому требованию, стали заглядываться без всякого стеснения друг другу в глаза. Руки их невольно нашли друг друга и больше не расставались.

В какой-то момент Марфа, застыдившись откровенно призывного взгляда Потифора, начала раскачиваться из стороны в сторону. Однако уходить вообще из поля зрения парня она не собиралась.

Между тем Потифор сам забыл, зачем пришел сюда. — Да и важно ли это было сейчас?

Он смотрел в эти лукавые карие глаза и всё больше понимал, что увяз в них по горло и вот-вот совсем потонет. И всё же добровольно шёл всё дальше и дальше.

Удивительнее всего было другое: они оба понимали, насколько сильно отличаются друг от друга: Марфа – истеричная, стремительная и воздушная, как ветер, а Потифор медлителен и основателен во всем, как земля. Даже манера разговаривать у них была разной: Марфа говорила быстро, почти без остановок, крикливо выбрасывая изо рта слова. Потифор же растягивал слова, медленно и основательно излагая суть того, что хотел сказать.

По сути Потифор почти не понимал всего того, что говорила ему Марфа, оценивая по интонации её фразы и выбирая из них самое главное на свой взгляд. Марфа тоже устава-

ла, но от его медлительности. К их общему удивлению сейчас, обходясь без слов, понять друг друга им помогали глаза, улыбка, жесты и губы. Они были влюблены!

Потифор первым заметил, что солнышко начинает садиться, и вспомнил всё, зачем, собственно и пришел сюда.

— Маруся, значить... — начал он, нервно теребя конец крапчатой косоворотки, шепча про себя. — А вдруг откажет? Чо тоды?

Однако, глядя на её лукавую улыбку, успокоился. — Не, не откажет!

Но, всё же, набрав для храбрости воздуха в легкие, одним махом выдохнул из себя. — Ты пойдешь за меня?

Марфа напряженно ждала вопроса, видя нервное поведение пальцев Потифора. И все же, услышав его предложение, вместо того, чтобы просто кивнуть головой, соглашаясь, тут же вспомнила эпизод из жизни её барыни, когда той признавались в любви.

Она жеманно опустила голову и начала новую игру. Из ресниц девушки выкатилось по слезинке, потом другой, третьей. Руки, оставленные без контроля хозяйкой, вдруг уцепились за ворот рубашки Потифора и начали усердно мять его.

— Что ж было у барыни дальше? — Марфа никак не могла вспомнить продолжение, а с другой стороны, должна была что-то делать. Мозг сверлила страшная мысль. — Сказать ему? Или не сказать?

Совсем растерявшись, Марфа выгнула нервно дрожащие губы в обратную дугу, вместо сияющей улыбки.

— Марусь, ты чо? — Потифор удивился такой метаморфозе: только что был солнечный день на её лице и вот те на — уже ночь!

Холодная и дождливая. К тому же, казалось, его внутренний враг только этого и ждал, нашептывая. — Ну, чо, съел? Получил? Рылом не вышел! Ишь ты, на такую красавицу позарился. Вот и получи! Кто ты, а кто она? Ты — сын вольного крестьянина, а она? Да, моgetь ей принц заморский нужон! А ты. К ней! Да со своей землей!

Разом замерзли руки у Потифора от таких мыслей. Ураган чувств поднялся в душе, ударив в голову. — Врешь, собачий сын! Ей нужон я, вольный крестьянский сын, а не принц!

И в гневе лицо Потифора покрылось красной краской, а руки невольно сжались в кулаки. Обреченно взглянув ей в лицо, он тихо, как смог, спросил. — Моgetь, я тебе не люб?

Марфа и сама не поняла, что толкнуло её в спину, только, ничего не говоря и не поднимая глаз, сделала она шаг вперед и уткнулась ему в плечо. Две горячие мужские руки осторожно легли на её плечи и нежно притянули к себе. Потифор и без слов все понял.

Она тихо плакала, уткнувшись в теплое и надежное плечо Потифора, жалея и проклиная нескладную свою жизнь и Судьбу, которая так жестоко подшутила над ней. — Не будет теперь барыни. Не будет и мамзели, а будет теперь трудовая

крестьянка по имени Марфа. Такая же бедная, как и её мать!

И катились по щекам одна за другой слезинки, оплакивая безвременно погибшую в ней богатую барыню.

Меж тем Потифор, увидев, как тихо плачет Марфа, почувствовал большую потребность её утешить и неожиданно для себя начал осторожно гладить спину девушки своими грубыми крестьянскими руками. — Ну-ну, поплачь! Все когда-нибудь прощаются с девичеством, родными, друзьями. Теперь у тебя будет своя семья! Будем работать на земельке. Она у нас славная, всё родит! И нас прокормит!

Из памяти откуда-то выплыл образ отца, вот так же, как и он утешавшего когда-то его мать. Его слова и интонация сами попросились на волю. — Ну-ну, Марусенька, будет! Ты, значит, не плачь. Ну, не хочешь щаз, давай в друго время.

Марфа вцепилась обеими руками в косоворотку, вдруг вспомнив, как это делала её барыня, и начала театрально раскачиваться то вперед, то назад. — Щаз! Увези меня щаз! Прямо щаз. Увези куда угодно!

— Ну, ладно! — удивился Потифор такому накалу неожиданно нахлынувшего чувства и настойчивости девушки. — Телега-то у мене большая. До Малиновки отсель недалече. Могем и щаз! Один черт Никишка тока завтре поедеть домой.

И, нежно подхватив девушку на руки, понес её к телеге с лошадьё, которую с самого начала привязал к деревцу.

Марфа без слов забралась на душистое сено, запахнулась

глубже в армяк Потифора. Почувствовав, как тронулась телега, закрыла глаза. — Вот и всё! Прощай, Поганка! Прощай и ты, тетка нелюбимая. Еду я в Малиновку. Там выйду замуж за крестьянина, нарожаю ему кучу детей, буду в огороде копать. Прощай, так и не состоявшаяся барская жизнь!

Как-то незаметно запахи свежего сена начали проникать в неё. На душе становилось спокойнее и чище. Наконец, измученная круговоротом событий дня, Марфа мирно уснула.

6.

Середина августа 1896 года, Медвежий куст, подсобное хозяйство женского Покровского монастыря.

Смарагде непривычно жарко и душно. Она голая и бесстыдная стоит, прикованная к столбу. Две молодые девушки без определенного лица, взявшись за руки, пляшут вокруг неё и толстого столба, похожего на гриб боровик с маленькой шляпкой, которые Смарагда частенько находила в лесу возле хозяйства. Но в этот раз вокруг столба со шляпкой разожжен огонь и от него идет нестерпимый жар, поэтому Смарагда вынуждена всё сильнее и сильнее прижиматься к нему. Огонь же всё ближе и ближе, заставляя её задыхаться и таять от жары. Воздуха не хватает и она, как рыба в их пруду, хватается судорожно его большими порциями.

Но вот из-за огня ей протягивает руку точно такая же, как и она сама, Смарагда. По её губам она читает. — Берегись мужиков! Будь осторожна!

И вторая Смарагда исчезает, оставляя после себя удивле-

ние, страх и ощущение разрезанного яблока.

Смарагда с криком вскакивает с деревянной тахты. Рука её невольно лезет под подушку и нащупывает тряпичную куклу.

— Нет, Маруська тута! — на душе становится легче: раз Маруська на месте, значит ничего с ней плохого не случится. Она суёт её опять на своё место, потягивается и идет умыться к речке Елани.

Невольно залюбовавшись тихой, словно зеркало отражающей поверхности воды в омуте Елани, Смарагда про себя отметила, что вот уже целых пять лет любитесь неопикуемой красотой этих мест.

Деревянная церковь, возвышаясь над всем, поражала желтизной своего купола, как бы говоря всем и каждому. — Это я здесь главная! Мне все здешние поклоняются!

Священник в церкви всегда проводил молитвы для работников хозяйства и прихожан, желающих послушать его молебны.

Само же подсобное хозяйство, огороженное чугунной оградой, стояло из четырех десятин земли, имело четыре деревянных дома для монахинь и священника. Для рабочих имелся саманный дом, для послушниц деревянная изба. Кладовая, каретник и конюшня были гордостью подсобного хозяйства. Два пруда, запруженные от Елани, один за другим в виде большой восьмерки, были окружены аккуратным зеленым скатом, деревьями и дорожками, ухоженными и по-

сыпанными битым кирпичом.

Неподалёку от большого омута Елани находилась баня и гостевой деревянный флигель. Все это было в окружении большого фруктового сада, растянувшегося в сторону монастыря. Шестьдесят шесть монахинь и около сотни послушниц, не считая двух сотен работниц, старательно ухаживали за процветающим хозяйством монастыря.

Прохлада реки освежила горящее после необычного сна лицо Смарагды. Она стояла и любовалась утром. Тихое ржание коня и кобылицы совсем недалеко от себя и легкий топот копыт заставил её повернуться в сторону звуков. Как замороженная, смотрела Смарагда на то, что появилось между задними ногами жеребца, прежде чем он вскочил на кобылицу.

— Постой – постой, я уже это где-то видела! — подумала она. — А-ха, Сон. Столб!

— Енто на чо ты, бессовестная, смотришь?

Смарагда вздрогнула от голоса сестры – хозяйки Саломии и засмушалась. — Вот так всегда. Что-нибудь да неладно ей!

И, чтобы спрятать охватившее душу волнение, окунула лицо в воду.

— Да ты не прячь, не прячь лицо-то! — Саломия довольно улыбалась, видя смущение девушки. — Ничо плохова я в ентон не вижу. Ну, подумашь! На то он и жеребец! Кто ж еще нас, кобылиц, будет обхаживать?

Саломия открыто смеялась над непорочностью девушки

и тем, что удачно застала её за непотребным занятием. Однако и этого для Смарагды было достаточно, чтобы она густо покраснела.

— Да ты не красней, не красней! Я ить понимаю: это дело молодое! — похотливая улыбка и намеки еще больше смутили Смарагду. Она быстро встала. Провинившаяся послушница, готовая уже заживо сгореть в гиенне огненной, не поднимая с земли глаз, повернулась, чтобы идти назад. Но, как на грех, наткнулась на сестру — хозяйку. — Ладно, ладно. Ужо иди!

За завтраком Смарагда не смела глаз поднять на Саломию: так ей было стыдно за то, что подглядывала за лошадиной любовью. Она и ругала себя за это много раз за утро, и отмаливала, но ничего не помогало: чувство стыда не проходило.

— Смарагда, за тобой вода в баню! — коротко приказала Саломия. — Чтоб к обеду банька была истоплена: приедет сестра Фелицата для проверки, да попариться. Она любит баньку. Да погорячее!

Последние слова Саломия произнесла с особой интонацией. Однако Смарагде было не до того, чтобы истолковать их иначе: нужно было наносить в баню много воды, истопить и сделать большой запас дров на новую баню. Таков был здесь порядок. Сестра Саломия довольно жестко смотрела за соблюдением его, несмотря на свои тридцать лет.

Веселая и даже игривая иногда, она становилась очень

требовательной и непреклонной, когда дело касалось исполняемой работы. И уже десять лет управляла с успехом подсобным хозяйством женского монастыря. При ней разрослось стадо коров и овец, развелись в большом количестве свиньи, а в соседнем Гуляй – Поле знали, что самые резвые лошадки и жеребцы были из табуна Саломии.

Собственно за этим, да за свеженьким мясом в подсобное хозяйство зачастую наведывались казачки. Им сбывались и излишки продуктов. Это бывало особенно часто, когда приезжала с контролем сестра – хозяйка монастыря Фелицата. Обе сестры – управительницы в эти дни давали отдых своим подчиненным. Поэтому сестрам и послушницам в Медвежьем Кусту в целом жилось неплохо. Ибо они знали, что есть еще и другая Саломия, которая любила побуйствовать и покутить с Фелицатой. Чаще всего это бывало после удачной продажи мяса или лошадей казакам.

Но старожилы знали и другое: не дай бог попасться в это время на глаза Саломие! Можно было нарваться на грубость, избиение или нечто похуже, которое могло взбрести в голову управительнице. Однако такие моменты были достаточно редки, так что чаще всего выходы её Саломие прощались. А уж монашки и послушницы были за ней, как за каменной стеной!

Смарагде оставалось сходить еще пару раз за холодной водой для бани, когда прикатила сама сестра – хозяйка монастыря. Сестра Фелицата была молодая кареглазая невысокая

и стройная монахиня, всегда улыбающаяся и довольная собой. Смарагду она знала по ходатайству сестры Аполлинарии и отмечала от остальных послушниц. В последнее время, заметив, как выросла Смарагда и расцвела, и вовсе старалась поговорить.

— Ну, Смарагдушка, как твои дела? Уже не дичишься? Освоилась? — постоянно игривый тон Фелицаты невольно заставлял Смарагду еще больше стыдиться. Но сегодня к тому же она невольно вспомнила утренний позорный момент и покраснела. — Ну-ну. Для баньки воду носишь? Это хорошо! А то я, бедная – разнесчастная, сильно стосковалась по нашему парку! А иде матушка Саломия?

Всем в подсобном хозяйстве монастыря было известно, что обе матушки – Саломия и Фелицата – были ярые парильщицы. Это именно для них раскалялись камни в баньке побелому. Они и отправлялись туда вместе и парились обычно до такой степени, что потом, голые, красные как раки, в облаке пара выскакивали наружу и бросались в холодную воду Елани. Благо, что банька стояла у самой речки.

Ходили слухи, что не одни они частенько туда хаживали. Правда сама Смарагда этого никогда не видела.

Сестра Саломия появилась тут же, как только Фелицата закончила разговор со Смарагдой у бани.

— Саломия, подружка моя дорогая! — Фелицата нарочно допускала нарушение монастырского устава, в котором панибратство не поощрялось, а перед именем нужно было на-

зывать слово «сестра». Но Фелицата не боялась наказания за это. — Что ж ты не встречаешь свою бедную – разнесчастную сестру Фелицату? Итак, в монастыре было много утомительных молебнов!

И при этом заговорщически подмигнула ей правым глазом. Саломия прекрасно понимала игру подружки, сдержанно улыбаясь, вместо кавалера склонилась в глубоком поклоне и подала ей руку, помогая сойти с двуколки.

Незаметный взмах головы Саломии, короткий взгляд на одну из послушниц, и лошади вместе с двуколкой быстро исчезли из виду, потерявшись в недрах каретника и конюшен. Сама же Саломия ждала, когда Фелицата насладится всеобщим вниманием и перейдет к делу, ради которого и приехала сюда.

Смарагда, понимая, что не должна слушать их болтовню, поклонилась и пошла к бане. Печь уже хорошо натопилась, вот только синие огоньки на углях ещё не позволяли ей закрыть вьюшку. Взяв невысокую кадку и налив в неё воды, девушка, обливаясь потом от жары, стала мыть и скоблить дубовые доски пола и скамеек. Запах, стоящий в бане ей нравился: она еще не понимала, что именно в нём так её привлекало, но само нахождение в такой бане вселяло каким-то образом уверенность, отгоняло постоянные страхи и уныние.

Выскоблив полки, она проверила печку, закрыла вьюшку и попробовала готовность камней, плеснув на них горячую воду. Камни фыркнули и заполнили верхнюю часть ба-

ни нестерпимым жаром.

— Достаточно ли этого? Надо спросить у матушки Саломии! — подумала она, выходя из бани в прилипшем к телу сарафане. И чуть ли не нос к носу столкнулась с молодым казачком, который, оглядев её с ног до головы, перегородил дорогу.

— Куды енто ты, красавица, собралася иттить?

Игривый тон и похотливая улыбка казачка с молодыми усиками, которые он время от времени поглаживал, начали сердить Смарагду: фамильярности по отношению к себе она не любила. Но ругаться не стала: всё же чем-то он ей понравился. Поэтому, быстро подняв и опустив глаза, проскочила мимо, заметив при этом ещё трех казаков.

Двое из них, усатые и степенные, не обратили на неё внимания и продолжали, как ни в чем не бывало, между собой разговор. А вот третий, чуть постарше молодого казачка, преградившего ей путь, наблюдал за ней молча. Казаки, поправив одежду, вошли во двор подсобного хозяйства. Смарагда же устремилась в келью сестры Саломии.

— Банька, матушка, уже готова! — произнесла Смарагда, войдя и поклонившись обеим сестрам – хозяйкам.

— Ну, хорошо! Побудь тама. Мохеть разом понадобисси! — произнесла Саломия слегка пьяненьким голосом: они с Фелицатой уже успели пригубить наливочки, которую делали для себя в подсобном хозяйстве сестры. И, сделав небольшое движение пальцами протянутой руки, что означало:

«Иди! Ты мне больше не нужна!», повернулась к Фелицате.

— Не слишком ли ты, подруга? — Фелицате явно не понравился королевский жест Саломии. — Это что, вроде как моя власть здесь не считается? Кто из нас главней, я или она? Почему это Саломия не спрашивает разрешения у меня? Может, я и не разрешу ей уходить! И она нервно поморщилась.

— Ежели, конечно, матушка Фелицата не против! — увидев реакцию на её слова и жест своей начальницы, мгновенно исправилась Саломия.

Смарагда замерла в ожидании того, что скажет ей Фелицата. Но та, довольная тем, что увидела признание своей власти Саломией, улыбнулась и величественным кивком головы, царственно отправила Смарагду из кельи.

— Ну, как тут наша сиротинушка? — Фелицата намекала на сомнительное происхождение Смарагды и жизнь её в приюте. — Всё так же шарахается от мужиков? Глянь-ка, какая ладная бабенка стала! Пора бы и ей узнать про мужицку ласку, как думаешь, сестрица?

Саломия, опрометчиво допустившая непростительную ошибку при Фелицате, готова была любыми путями исправиться: она хорошо знала, что Фелицата, не смотря на молодой возраст, таких ошибок никому не прощает. Кроме того, там, в монастыре или, что было еще хуже, за его пределами, у неё был таинственный покровитель. А это было уже очень опасно!

— Да, выросла уже, наша сиротинушка! — неоднозначно произнесла Саломия, надеясь, что эти слова заинтересуют Фелицату, и не ошиблась.

— А чо такое? — игриво и с некоторым похотливым любопытством, спросила Фелицата. — Неужто кто-то появился у нашей сиротки?

— Появился. Не появился. — как-то неопределенно произнесла Саломия, наливая своей начальнице и себе ещё по рюмочке наливочки. — Тока вот сѣдни я её застала, знашь за чем?

Они чокнулись, выпили, крикнули и причмокнули губами от удовольствия: алкоголь уже ударил в голову. Лица их покрылись приятным свежим румянцем, глазки заблестели, улыбка появилась на лицах. Повязки с головы слетели и обе монашки с ревностью и удовольствием разглядывали волосы друг друга.

Найдя, что её светло – русые локоны всё-таки красивее, чем темно-русые волосы Саломии, Фелицата довольно улыбнулась и снова спросила. — Так чо там было. У неё?

— Да она стояла рано утром и смотрела на то, что болталось между нох у жеребца, обхаживающего кобылицу! — засмеялась Саломия, намекая на нечто непристойное, о котором можно было теперь говорить. И Фелицата её прекрасно поняла, заулыбавшись, как заговорщица.

— И ты думаешь? Думаешь, она уже готова? — Фелицата похотливо и мечтательно заулыбалась еще шире.

Саломия, не переставая улыбаться своей подруге, и с любовью смотря ей в глаза, кивнула головой. Однако, не успели они договорить, как резкий стук в дверь прервал их разговор, и в келью вошли четверо казаков.

— Здравствуйте, матушка Фелицата! И ты, матушка Саломия! — произнес самый важный усач, выйдя и поклонившись им по очереди. — Позволь нам нарушить ваше уединение!

Вежливость и улыбочивость гостей сделали своё дело, да и сами сестры теперь всё воспринимали несколько иначе.

— А проходите, гости дорогие к столу! Выпьем, да закусим, чем бог послал! А уж потом и о деле поговорим. — произнесла Фелицата царственным голосом и жестом пригласила казачков к столу. Саломия быстро налила им по полному стакану крепкой самогонки.

Казачки не стали ломаться и уселись за столом.

— За здоровье матушки Фелицаты и матушки Саломии! — произнес их вожак, и казаки разом опрокинули в рот самогонку, довольно крякнув и вытерев рты рукавами. Никто из них даже и не притронулся к пище и не завел разговор.

Саломия тут же налила им ещё по стакану самогонки. Вдогонку. То же самое произошло и со вторыми стаканами, но в этот раз казаки выразили желание поговорить о деле. Кратко изложив своё предложение о закупке мяса для казаков, и осведомившись о ценах, они нашли их приемлемыми, и договоренность можно было бы считать достигнутой. Од-

нако лукавый огонек проскочил в глазах вожака.

— А чо, матушка Фелицата и матушка Саломия, я вижу, у вас банька истоплена?

— Банька-то истоплена, да вот некому девичью спинку дубовым веничком похлестать! Своих-то силенок не хватает! — почти открыто отозвалась Фелицата, прекрасно поняв намек есаула, нервно поглаживающего усы.

— Ну, у нас есть, кому похлестать! Выбор за вами: есть и опытные, и молодые — осторожно произнес он, явно намекая на себя и урядника. — А молодежь пока отправим коней постеречь!

Заметив недовольство молодых казаков, есаул нахмурил брови. Но и этого ему показалось мало: он кивнул им на дверь! Недовольные казачки нехотя встали и, поклонившись дамам, вышли: перспектива стеречь коней, пока начальство будет париться с монашками, их явно не устраивала. Но и послушаться приказа они не могли. Вздохнув, оба казачка направились к лошадям.

Смарагда тихо сидела на приготовленных ею дровах и ждала матушек Фелицату и Саломию. Банька была уже полностью готова, воды было полно, веники лежали на месте. Оставалось только ждать. Да прислуживать: мало ли, что-то придется им принести еще!

Тихий шорох за спиной заставил её обернуться и застыть от страха: лицо похотливо улыбающегося казачка уже склонилось над ней. Не успела она и вскрикнуть, как ей заткнули

рот, взяли за руки и за ноги, подняли и понесли в высокую траву, обильно растущую возле речки.

Там Смарагда ощутила полную беспомощность, оказавшись прижатой к земле. Грубо подняв почти до головы са-рафан и раздвинув ей ноги, один из них снял штаны и направился к ней. Между ног его был такой же, как у жеребца предмет.

— Гриб – боровик! — прошептала она, вдруг вспомнив, что видела этот предмет во сне, прежде чем почувствовала, как что-то грубо и больно разрывает её плоть там, в самом святом месте. Страх за своё тело охватил её и она, покрывшись липким потом, закричала. Но тут же сильная боль ударила в голову: вспомнился огонь, каждый раз снившийся ей в кошмарах, стало душно, ужас сковал душу. Смарагда потеряла сознание.

Первой её услышала Фелицата, идущая в компании с Саломией и казаками в баню. Несмотря на то, что была немного пьяна, мгновенно все поняла и побежала на крик, отчетливо понимая: совершилось непоправимое!

— Ах, вы, стервецы! — закричал есаул, скачками устремившись к траве, где все ходило ходуном и из которой раздался душераздирающий крик. — Ну, я вас!

Фелицата и Саломия, чуть-чуть отстававшие от урядника были расстроены: хмель, так приятно волновавший кровь разом прошел, оставляя после себя сильную головную боль и горькое похмелье. Когда они добежали до места, есаул уже

плеткой хлестал молодого казачка, так и не успевшего надеть штаны, приговаривая. — Ах, мать вашу! Стервецы, ишь чо удумали? Силой?! Да я вас. Сгною! В карцер! Немедля!

Смарагда лежала полуголая с обнаженным низом живота и раздвинутыми ногами. Возле неё вниз головой с голым задом, схватившись за голову и прижав её к коленям, сидел казачок, а рядом с ним находился другой, тоже на коленях, добровольно склонив голову перед есаулом, который, матерясь, налево и направо охаживал их своей плеткой, вставляя между матом следующие слова. — Посажу! На хлеб и воду!

Фелицата, быстро прикрыв тело и ноги Смарагды, переглянулась с Саломией. — Вот те и банька!

Они испугались. — А вдруг обо всем этом узнает игуменья? Что будет тогда? Ведь обо всем, что творилось здесь, им пока удавалось скрывать. И регулярные пьянки их после бани. И несанкционированные продажи скота на мясо, после которых приходилось подделывать им бумаги: ведь все денжки они делили между собой! Да и на остальные её делишки смотрели со скидкой из-за доходов подсобного хозяйства. А теперь? До сих пор удавалось все сделать так, что оставалось шито-крыто. И вот те на! Да еще с любимицей Аполлинарии, которая считалась вторым лицом по значимости и близости к игуменье. — потому и вглядывалась с тревогой Фелицата в побелевшее лицо Саломии. — Чо бум делать-то, подруга?

— Давай в баньку её! Напарим, водой отольем, авось да

и отойдешь! — предложила находчивая Саломия, глядя с надеждой в глаза подруге. — А что если с меня ихуменья спросит? Ведь за Смарахду-то я, Саломия, в ответе!

— Есаул! Давай, бери своих и уезжай! Нам, видно, теперь не до шуток будет! — строго и твердо произнесла Фелицата, понимая всю серьёзность создавшегося положения.

— Ах, вы, мать вашу! — матюгнулся есаул: он был откровенно зол на молодежь: сорвались поставки дешевого и качественного мяса, сорвалось приятное общение с двумя молодыми женщинами. И все из-за необузданной молодежи. — В колодки! На каторгу! Шкуру спушшу!

И стегал провинившихся казаков так, что скоро спина у них стала красной от крови. Так их и увез есаул на спинах своих же лошадей, попросив за них прощения у матушек и отсрочку дела.

Обмякшее тело Смарагды Фелицата и Саломия разложили на полке, давая пару согреть его. Сами же разделись полностью, поддали парку и начали её парить.

Смарагда застонала и открыла глаза: ей стало жарко и больно. Черный потолок бани был хорошо знаком ей, но сейчас он почему-то был в паровом облаке, которое то и дело набрасывалось на неё от веников двух фурий, метавшихся около неё с мокрыми волосами и голыми телами. Неожиданно она поняла, что это те самые девушки, которые кружились возле столба, в её сне, огнем и жаром обдавая все тело. И она закричала, начав дергаться во все стороны.

Фелицата первая поняла, что любимица игуменьи очнулась, и, улыбнувшись Саломии, крикнула. — Воды!

Саломия, зачерпнув целое ведро воды, вылила его на Смарагду.

Вода приятно освежила девушку: ей вдруг показалось, что волны жара, окружавшие её, привязанную к столбу, стали на миг прохладнее, и она облегченно вздохнула.

— Давай сунем её в речку! — предложила Саломия, встретившись с встревоженными глазами подруги. — А мы. Вместе с ней! А то, не дай бох, ишшо испугаетси!

Фелицата и сама подумывала об этом, увидев облегченный вздох Смарагды после ведра воды.

В прохладную воду Елани они прыгнули вместе с обмякшей Смарагдой и тут же вынули её голову из воды. — Не дай бог, еще захлебнется! Тогда вообще нам не жить! Никогда еще им не было так страшно за другого человека, как сейчас.

— Смарахдушка, девонька, открой, открой хлазоньки! — почти умоляла её Саломия, легонько пошлепывая её по лицу. — Ты тока не умирай! Тока не умирай!

— Ты чо, дефькя? Не сдавайси! Нашла от чево умирать! — уговаривала её Фелицата, брызгая ей в лицо водой и обмывая его. А сама сердилась, слушая шепот кого-то внутри себя. — Вот, черт! Надо ж было такому случиться! И принесла же их нелегкая! Ну, вот чо теперь игуменья скажет? Ежели чо, пойду за зашшитой к настоятелю: монахи не откажут! Один черт, запасной ключик-то от подземнова ходу я

себе сделала хороший. Ежели чо, по нему и схожу! А пока, буду делать всё, чтобы ента дура очухалась!

Страх её уже начал уходить, оставляя после себя злость на Смарагду. — Дура! Тебя-то чо на них понесло? Захотелось изведать, чо болтаецси у жеребцов? Казаки-то, народ ушлый. живо заломают!

Небольшая перемена в поведении Фелицаты тем не менее не смутила Саломию, решившую испытать на Смарагде второй сеанс банного лечения. Однако не успела она предложить это Фелицате, как Смарагда открыла глаза.

Небо, прохлада и вода, брызгами освежающая лицо. Не понимая ничего, смотрела Смарагда удивленно на своих начальниц, совсем голых в воде и улыбающихся ей. — Где это она? Почему вокруг вода? И где те? И на её глазах появились слезки.

— Ну, вот, дефькя, давно бы так! — от избытка эмоций Фелицата даже чмокнула в щеку ничего не понимающую Смарагду: заблестевшие от слез глаза она приняла за брызги воды, которой поливала её лицо. — Саломия, давай вытаскивать её из воды! Да в келью её. Дефькя-то наша перепарилась с непривычки! Ты поняла? Перепарилась она. Сдуру! Вот и стало ей плохо!

Саломия, перекрестившись свободной рукой, довольно улыбалась – неожиданная идея Фелицаты ей понравилась. И, подхватив сумасшедшую мысль, перекрашивающей черное в белое, сама запричитала. — Ну, чо ж ты, дефькя, так – то?

Ить и паритьси-то надоть умеючи! Не окажися мы с матушкой Фелицатой поблизости, ить и ухорела бы совсем! Холова-то болить? Руки – нохи как? Небось и низ живота рветь жаром? Ох, бедная! Да как же тебя ухораздило так перепаритьси? Небось и казаки тебе видютьси? Ох, бедная, разнесчастливая! Да как же ты так? Уметь надоть паритьси, а то ить так-то и помереть недолго!

Фелицата слушала поток лжи, извергаемый Саломией, и улыбалась. Однако тревога вновь пришла к ней. — А что ежели Смарагда не поддастся на внушение Саломии? Или хуже того, забеременеет? Тогда точно не скрыть произошедшего!

И простая по всей сути мысль успокоила её. — Ну и что? Так ведь это произойдет потом, а не сейчас. Вот тогда и видно будет, как следует выкручиваться. Можно сказать, что сама. И не сейчас!

Накинув на неё одежду и одевшись сами, они с помощью вызванных монашек дотащили Смарагду до кельи Саломии и положили на тахту.

Смарагда окончательно очнулась в келье Саломии: сильно болела голова, жгуче – щекотно беспокоило что-то внизу живота. Сухие губы прошептали. — Пить!

— Очнулась, Смарахдушка! — Саломия, приставляя к её рту целый стакан самогона, внимательно смотрела в её глаза. — Помнит ли то, что произошло?

И, видя ничего не понимающие глаза послушницы, на вся-

кий случай снова начала излагать легенду, сложенную Фелицатой. — Ты чо, не знашь? Ить ухорела ты в бане-то, перепарилася! Низом живота ударилася! Ну, как же ты так? Хорошо, мы рядом были. В воду тебя отташшили! Отходили едва — едва.

Всё это Саломия говорила ей, пока та, захлебываясь, пила крепкий самогон, который для неё налила Фелицата. А сейчас сама с надеждой смотрела на лицо и мимику послушницы в поисках ответа. — Ну, говори же, веришь ты аль нет? Вот, сволочи, казачьё! Заварили кашу, а я расхлебывай!

И, увидев сомнение на лице Смарагды, выплеснула. — А казаков тех, которые тебя схватили, есаул в кровь испорол!

И Смарагда вдруг вспомнила. — Казак. Штаны. Столб. Огонь и жара. Ведьмы. Вода. И ей хорошо!

И прохрипела сухими губами. — Да-а-а. В бане. Жарко. Пить!

Веки её вдруг налились свинцом, всё тело, руки, ноги отяжелели. И Смарагда почувствовала, как в диком вихре снова погружается в тяжелый и глубокий сон. Она то кричала, то пыталась вскочить, то замирала, становясь белой, как полотно, и покрывалась холодным потом, то опять кричала, так, что сестры-монашки со страхом жались друг к другу и крестились.

Фелицата и Саломия, услышав «Да!» Смарагды, теперь уже открыто всем рассказали, как они спасали её от угара и перепаривания.

— Вот, что, подружка! Ты присмотри—ка за ней хорошенько, дай ей отдохнуть несколько деньков. А я на днях к вам заеду. Тогда и решим, что с ней делать дальше. А про то, что было, забудь! — прощаясь, Фелицата все же тихо на ухо ей добавила. — А все же жаль, подружка, не удалась наша нынешняя банька!

И, лукаво усмехнувшись, подмигнула Саломии.

7.

Середина августа 1896 года, по пути к селу Малиновка Балашовского уезда.

Ночь застала Потифора и Марфу на берегу Хопра. Им осталось — то доехать всего верст пять-шесть до Балашовского моста, но осторожный Потифор своей ценностью решил не рисковать: он хорошо был осведомлен о местном ворье, особенно активно промышлявшем в темное время на этой дороге у моста. А потому, отпустив на привязь лошадку, разжег костер на берегу реки недалеко от телеги.

Марфа спала на телеге, то и дело дергаясь во сне и вскрикивая. Когда же она начала стонать, Потифор и вовсе всполошился. Он уже не раз и не два походил к ней с горящей головешкой, чтобы разбудить, но всё никак не решался и снова садился у костра, сторожить её и лошадь. Но когда она глухо зарычала, как дикий зверь, Потифор сам перекрестился и её перекрестил, махнув над ней горящей головешкой. — Изыйди, дьявол нечистай!

Так говаривала его мать, отгоняя от малых детушек своих

всякую нечисть, когда им снилось что-то плохое. Потифор, как самый старший, подглядывал за ней и невольно запомнил слова.

Как это ни странно, но Потифор, сколько себя помнил, всегда любил огонь: еще маленьким, однажды обученный отцом разводить огонь, он так полюбил этот запах и игру огня, что потом при первой же возможности разводил костер. Огонь его воодушевлял. Огонь придавал ему силу. Огню Потифор доверял все свои секреты, как самому верному и надежному товарищу и защитнику. В этом он быстро убедился, когда оставался в лесу ночевать на рыбалке или охоте.

— Как ты думаешь, какая она? — спросил он у огня, вглядываясь в игру его пламени, будто ожидая от него ответа. Но хитрый огонь горел ровно, лишь изредка пощелкивая искрами. — Вот и я так думаю: ничо девка-то. А вот чо с ней случилось?

Костер вдруг вспыхнул, разбушевался, выбросил вверх сноп искр.

— Вот и я так думаю: попала дефья в чо-то плохое. Как кур в ошшип! Уж шибко хреново ей видать! — парень покосился на телегу. Но в этот раз там всё было тихо. Он подкинул пару сухих и толстых веток в костер и огонь радостным гудением одобрил его поступок. Но Потифор по-своему истолковал его гудение. — Вот и я грю. Матерю-то она свою схоронила ишшо прошлым летом, а шшаз? Ишь, как мается, болезнь!

Но тут в голову его пришло сомнение. — А что мне отец-то да маманя за это скажут? Это кто ещё такая? А я и сам не знаю!

Потифор от этих мыслей даже растерялся на пару секунд, но потом выпятил грудь колесом. — А я им скажу «молодую жону везу»!

И так ему от этой мысли стало радостно, что даже огонь, поняв его состояние, разом охватил подкинутые ветки и осветил его лицо. Возможно, поэтому и принял за согласие с ним его потрескивание огня и подфыркивание.

Потифор улыбнулся: он всегда знал, что уж кто-кто, а огонь-то его лучше всех поймет! И, чтобы не испортить полученный от огня ответ, перестал с ним разговаривать.

Через некоторое время мысли его разбрелись кто куда, а самого Потифора начало клонить ко сну. Чтобы размяться, он взял горящую головешку и подошел к телеге. С одного взгляда тут же определил, что девушка мерзнет, хотя и скрылась под армяком калачиком. Невольно и сам ощутил этот озноб.

— Вот, дурень! — парень хлопнул себя по лбу. — Молодая жена мерзнуть, а я стою тут!

И, подбросив два толстых бревна в костер, осторожно полез на телегу к Марфе. Осторожно, бочком примостился к ней и обнял её поверх армяка. Подождал еще немного и, убедившись, что девушка перестала дрожать, закрыл глаза.

Меж тем Марфе снился сон.

Вот она, молодая и красивая, собирает яблоки и поет песни. — Только что это с ней?

На руках, ногах, на всем теле появились противные толстые и черные волосы. Откуда-то в руках взялись ножницы и она начала их стричь везде, где только видела. Однако, не успевала состричь, как они опять отрастали. Мало того, еще и ногти начали расти, всё больше и больше напоминая вид когтей! Она уже и их стрижет, а они все растут и растут. Ну вот, слава Богу, всё состригла!

Смотрится в зеркало и видит. — О, ужас! Это вовсе не она, а какое-то черное волосатое чудовище смотрит на неё и нахально ухмыляется!

— Мар-фа-а-а! — голос чудовища уже звучит в ней. Она понимает и принимает его, не в силах больше сопротивляться этой мощи. — Мар-фа-а-а! Ты видишь, каковы мужики? Они тебя вовсе не спрашивали. Взяли силой то, что ты берегла! А ты — молодец, так ему и надо! Отомстила за себя! Но учти, их много. Наш враг хитер и коварен! Теперь он к тебе полезет с ласками, но ты не давайся!

И сердце девушки, еще совсем недавно превратившееся в сосульку, от внутреннего жара бешено застучало. Пот прошиб на лбу и пояснице. Она дернулась и застонала. — А-а-а!

Потифор открыл глаза. Восток на зеленом фоне горизонта желтел узкой полоской утренней зорьки. Неожиданно глаза Потифора увидели её глаза — злые и жестокие. И тут же он ощутил резкий удар по лицу.

— Ты чо, дефья? — удивленно произнес Потифор, потирая ушибленную щеку. Он уже давно простил ей эту выходку, считая её продолжением беспокойного сна.

— Ты кто? А ну, отойди от меня! — глаза Марфы медленно превращались в нормальные: узкая полоска желтых глаз, как у хищника стала похожа на глаза девушки.

— Да ты чо, дефья? Забыла? Али ишшо не проснулася? — невольно Потифор начал сердиться. — Пора ба кончать забавлятьси-то!

Но тут новая мысль неожиданно пришла в его голову. — А чо ежели ей шибко досталось от мужика какова, а меня она с им спутала?!

Вся сердитость на неё разом прошла. — Да ты мене-то не боись. Ляжь, ишшо поспи! Рано. Вишь, зорька-то тока подымацца!

К этому времени Марфа уже отошла от приснившегося ей кошмара, сама вспомнила всё и попыталась улыбнуться. Однако улыбка получилась жалкая. Почувствовав это, девушка опять улеглась на сено, повинувась руке Потифора. И тут же прикрыла глаза.

— Подожду. Посмотрю. Полезет- ударю палкой! — решила она, нащупав под сеном небольшую палку. Невольно на душе стало легче: это прошел страх. — Ну, топерича я с палкой. Пушшай тока сунетси! Ишь, ты, каки оне: сперва сю-сю-сю, а потом? Эх, бедная, я бедная, сиротинушка разнесчастная!

И слезы, навернувшись в уголках её глаз, собрались в малюсенькую лужицу и потекли на сено. Но мысли вернулись в недавнее прошлое. — Ванька, курошшуп хренов, так ему и надо! А чо? Не будет лапать!

Храбрости не хватило назвать то, что он с ней сделал, и она нашла другое слово. Но, вспомнив, как она его ударила сначала ногой, а потом палкой, усмехнулась, а потом и вовсе испугалась. — А что ежели убила?

И начала упорно вспоминать то, что бы сказало ей. — Не убила!

Но не находила. А коварная мысль сверлила мозг снова. — Ведь не убила жа! Ведь не убила? Моgetь и не убила!?

Но тревога уже змеёй вползла в душу и Марфа открыла глаза. Ей снова стало страшно. Повернув голову, она увидела рядом Потифора, который, прижавшись к армяку, грел её своим телом. Глаза его были открыты, и никакой агрессии в них не было.

— Врешь ты усё! — мысленно ответила она своему Черному Демону, приснившемуся ей и утверждавшему, что все мужики – её враги. — Он не такой! И лучше отстань от меня!

От такого решения ей вдруг стало значительно легче на душе. Даже теплее. Она расслабилась, вздохнула и снова задремала. Но снов уже больше не видела. Лишь почему-то временами ей казалось, что она маленькая девочка, которую мать мирно покачивает в люльке.

Потифор уже давно и осторожно вел свою лошадку под

узцы по дороге к мосту. А через некоторое время аккуратно перешел его. И пока Балашов спал, направился по обходной дороге через Козловку. К Большой Грязнухе он вышел, когда солнышко выглянуло из-за горизонта.

Марфа, измученная происшествиями прошлого дня и кошмарами ночи, спала, мерно покачиваясь в такт ходьбы лошади. Когда же она проснулась, солнышко было высоко. Но и этого было мало: поняв, что они куда-то едут и, вспомнив всё, притворилась спящей, непрерывно повторяя про себя. — Господи, пушшай будет, чо будет!

Однако Потифор в какой-то момент заметил, что она проснулась и остановил телегу.

— Марусь, давай завтракать, чем бог послал. — такое приглашение ей понравилось: никто насильно не заставлял, да и отношение парня к ней было уважительное. Во всяком случае, её спрашивали, что позволяло либо отказываться, либо соглашаться. Собственно, это и сыграло главную роль: она согласно мотнула головой и начала выбираться из телеги, чтобы умыться.

Потифор отпустил кобылу пощипать травку, а сам стал разжигать костер. На какое-то время Марфа исчезла из виду. И он был очень удивлен, когда она вернулась к костру с двумя крупными карасями, довольно улыбаясь.

— Вот енто дефья! — восхищенно выскочило у Потифора: он ломал голову, чем бы накормить Марфу, уже достал удочку и хотел было выламывать удилице. А тут! — Ну-у,

ты и молодец! Иде ж лавитси такая?

— А вона там, в курье. — и Марфа показала на изгиб Большой Грязнухи, заросший тростником.

Когда же они подошли к месту, указанному Марфой, то оказалось, что это была грязная лужа, когда-то действительно бывшая затоном. Однако со временем перемычка пересохла, да и воды поубавилось. Горбатые черные спины карасей то тут, то там виднелись на её поверхности.

Марфа смело подоткнула юбку к поясу, обнажив свои молодые и красивые ноги так, что Потифор даже зажмурился. Это её привело в такой восторг, что она с радостным гиком вбежала в мелкий ил, где виднелась заметная спина крупного карася. Не успел Потифор снять свои лапти, как на берег полетел крупный карась. За ним ещё один. И ещё.

Марфа играючи выкидывала на берег к Потифору одного за другим серебристых крупных и средних карасей, жадно хватаящих ртом воздух. В какой-то момент она наклонилась к нему, и парень увидел её круглую крепкую грудь. С большим трудом он перевел свой взгляд в сторону.

Шлепок чем-то грязным, скользким, большим и противным заставил его снова посмотреть на Марфу: она тихо смеялась, закрыв рот ладонью, а у его ног отчаянно прыгая, не сдавался крупный карась.

— Вот ты как?! — взревел Потифор и, уже не разбирая пути, устремился к обидчице по липкому чвакающему илу.

Однако Марфу несколько не испугал его устрашающий

вид, а даже насмешил. Выхватив из ила очередную крупную рыбину, она запустила её в Потифора, который в это время изображал из себя обиженного медведя, качаясь из стороны в сторону, с чваканьем вытаскивая из ила ноги, приближался к ней.

На этот раз рыбина, пролетев мимо его лица, билась где-то на суше. А Потифор еще громче взревел, как обиженный мохнатый. Хоть третья рыбина и попала в него, но это уже ничего не изменило: игра была ею принята и явно нравилась.

Она заверещала, забегала по луже, брызгая в Потифора своими грязными ногами, пока сама не поскользнулась на рыбине и не плюхнулась прямо в черную жижу, моля о пощаде. К её радости и удивлению страшный Медведь плюхнулся в ту же жижу по доброй воле совсем рядом. И в этот миг глаза их встретились: еще между ними ничего не было сказано, но немой разговор уже начался.

— Глупая, чего ж ты меня боишься? — спрашивали его глаза. — Ведь я совсем тебе не враг!

— А кто тебя знает? Может и не враг. — отвечали её. — А может и враг. Это мы ещё посмотрим, кто ты на самом деле? Господи, как бы я хотела в это поверить!

Они улыбнулись друг другу, побрызгались черной жижей и пошли в Хопер отмываться.

Прополоскав свою одежду в Хопре, сушили её на солнышке, с удовольствием и аппетитом уминая карасей, поджаренных в глине. Изредка, то один, то другой с нескрываемым

ехидством посматривали друг на друга: Марфа сидела, одетая в армяк Потифора и босая, а тот – в одних подштанниках и лаптях.

После того, как в костре остались угольки, их одежда стала сушиться над костром. Поскольку сейчас им было хорошо быть вдвоём, то ни тот, ни другая, не торопились к месту назначения.

А через некоторое время Марфа ехала на сене и смотрела на цветущее поле, разноцветными пятнами ублажающее её взор. Никогда еще ей не было так хорошо и беззаботно.

— Господи, как хорошо пахнет вокруг! — тихо произнесла она, но Потифор услышал и усмехнулся. Неожиданно он передал ей вожжи и спрыгнул с телеги. А уже через мгновение начал собирать разные травы в большой букет. Марфа улыбнулась, предвкушая неизведанное ранее удовольствие от того, что все же есть в её жизни хоть один мужчина, который старается сделать что-то приятное.

Запах цветов, подаренных Потифором, просто ошеломил её. Возможно, так случилось и потому, что вместе с запахом полевых цветов ей достался взгляд счастливых глаз Потифора, его улыбка, а еще неуклюжее. — На вот. Тобе!

Всё это было искренно, от души и сердца и не могло быть ею не замечено. А еще – это было впервые. Что-то лихое, безбрежное, как эти поля, и сильное, как эта земля, ворвалось в её душу, наполнило так, что она не смогла больше сдерживаться. И Марфа запела. — Ой, да не вечер, да не ве-

е-чер! Мне-е-е малым мало спало-о-ось!

Бескрайнее буйство разнотравья ворвалось в её голос, зазвенело, закружило, заражая счастьем прикосновения к себе и переполняя душу.

— Мне-е-е малым мало спало-о-ось. — с удивлением и радостью она обнаружила, что это вторит тот, кто совсем недавно подарил этот великолепный, пахнущий свободой, букет полевых цветов. Вторит не перекрикивая, а вливаясь не в слова песни, а в её жизнь, в ширь полей, свободу! А ещё ей об этом сказали счастливые глаза Потифора.

Они ехали и пели песни, довольные тем, что им нравятся одни песни, нравятся одни слова про любовь, про жизнь, которые можно было без опаски адресовать друг другу. И были бесконечно рады, что нашли взаимопонимание.

Однако когда все песни оказались спеты, Марфа вдруг обнаружила, что в этой паре она невольно оказалась заводилой. А также то, что это нравится. К удивлению обоих разговаривали они между собой мало. Чаще пели, вспомнив какую-нибудь известную обоим песню.

Возможно, им мешала манера говорить: Марфа говорила быстро, когда приходило время для разговора, а Потифор, наоборот, медленно и основательно высказывал свои сообщения, с трудом понимая то, что сообщала ему она. Поэтому они или молчали, не решаясь заговорить о главном, или пели.

— Потифор, ты хоть похвастай, куды везешь меня? – Мар-

фа, хоть и смеялась ртом, но глаза её, как никогда сейчас были серьезны: она всё еще не верила в будущее для себя и боялась его.

— Марусь, а я чо, так и не сказывал про то? Ну, дак я шаз! — и Потифор явно оживился: деревню свою он любил, а уж на землю и вовсе молился. Земля была его кумиром, его будущим, его богом. Ей он и поклонялся. — Едем мы в Малиновку. Ты про таку слыхала?

— Слыхала. От тетки.

— Прадед моего отца в Малиновку приехал с Курской губернии. В Малиновке и жанилси. Барины наши в деревне давно не появлялися. Последний наш барин волю своим крестьянам дал одним из первых: задолжал в уделе. Добрый был барин: на волю пустил и земельки не пожалел. Не как другия. По четыре с половиной десятины на душу мужиковскую отвалил. Мы свою земельку получили и пахотную и с выгона. Хороша попалась земелька — чистой чернозем! Отец мене ишшо чо-то про неё рассказывал, да я не припомню. Лес у нас хорошей, а в лесу — озера с карасями. Шшуки много. В обществе земли много: почитай кажон год передел бывает земельки: паровое поле делят по старым душам...

— Это как это? — Марфе даже самой стало интересно: впервые она слышала о том, что барин сам дал землю, может быть добрым, и крестьяне его хвалят. Что сбиваются в какое-то общество и по справедливости делят землю. А еще ей нравилось, что Потифор рассказывает об этом как-то

по-особому искренно. Даже мыслишка проскочила ехидная. — А-а-а, так вот что ты любишь больше всего? Землю! Не дурак!

— А так. Бросят жребий на каждое поле. С какова конца начинать. А потом делют земельку подворно. Каждому двору отводят земельку в едином месте и на всё количество мужиковских душ! — даже по его интонации было видно, что разговор о земле ему нравится вести: глаза его светились, на лице блуждала улыбка.

— Ну и скоко жа у вас таких душ? — почти с издевкой спросила она: с одной стороны, ей уже изрядно надоела жизнь безземельной крестьянки, а с другой — она мечтала стать барыней и жить беззаботно и богато. А тут предлагается то же, только с землей. И засомневалась. — Может так и надо?

— Ну, вот и шштай! — и Потифор начал загибать пальцы, называя каждого мужика своей семьи по имени. — Отец мой, Мардарий Сухинин, стал быть перьвай, я — второй, братка Никишка — третий, братка Авдюшка — четвертый, братка Евсюшка — пятый. Вот, пятеро нас, мужицких душ-то. Потому и земельки нам двадцать две с полтиной десятины положено! Таких-то семей, как наша, в деревне тока с десятков и наберетси. А мы сами усе делам, нам никто не помогает и не нанимам.

— Чо и лошади, скот есть? — ухмыльнулась Марфа, уже нутром понимая, как все дальше и дальше отодвигается её

мечта о беззаботной жизни. И позавидовала увлеченности Потифора.

— А то! Четыре лошадки: две у отца, да у нас с Никишкой по одной. Дак и ентова ишшо не хватат! Отец собирацца ишшо одну покупать. Авдюшка-то подрастат. Три коровы, шесть овец да две хрюшки. Ну да енто женско дело: там мать с Агашкой управляютси. Вот, как приедем, я тебя с имя и познакомлю! Мамка у мене добрая, а Агашка — как ты.

По интонации, с которой Потифор отозвался о них, Марфа поняла, что он любит свою мать и сестру. Она даже немного расстроилась. И тут же кто-то внутри неё начал нашептывать. — Ну и что? Пускай они ему мать и сестра. А ты стань и женой, и матерью и сестрой! Вот тогда он даже и не вспомнит о них.

Но тут ей самой вдруг стало стыдно от таких мыслей. Марфа мгновенно покраснела. Чтобы Потифор не заметил этого, она повернула лицо к ветерку, дувшего со стороны луга.

— Мы ить усю земельку делим на три поля с обязательным паром. — Потифор так увлекся, что даже и не заметил покрасневшего лица и смущения Марфы. И этим опять вызвал у неё ухмылку. — Пашеничку стали сеять мало: плохо рожать стала матушка-землица! И плуги-то у нас четырехлошадные, тяжелые.

Тут Марфе стало совсем скучно. — Ну, на кой черт мне все это знать? Ну, земля как земля. У нас в Терновке такая же была, пока не отобрали. Может сказать ему? Заладил:

плуги, лошади. Да чтоб они сдохли! Надоело мне все это!

И глаза у неё начали слипаться. Незаметно Марфа начала клевать носом.

— Э-э, да ты никак спать зарядилась? — недовольно произнес Потифор, увидев это. — Ох уж эти бабы! Стоить тока начать разговор о самом главном, как тут же дремать начинают! И Агашка така жа. Вот и Маруська!

Он остановил лошадь и осторожно уложил Марфу на сено, прикрыв ее своим армяком. Затем сел на своё место, ударил её вожжами недовольно: теперь не с кем стало вести разговор о земле.

Во второй половине дня телега Потифора въехала в Машиновку. И первое, что отметила про себя Марфа, была черная кошка, перебежавшая им дорогу.

— Это не к добру! — пронеслось в голове у Марфы. — Черная кошка. Ой, не к добру это!

Однако Потифор на кошку не обратил никакого внимания.

Еще хуже настроение стало у Марфы, когда она, спрыгивая с телеги у дома Сухининых, зацепилась за гвоздь, торчавший в телеге, и порвала сарафан.

— Вот черт, на самом виду! — подумала Марфа и согнулась, чтобы хоть как-то приделать клочок назад. — Ну, вот чо оне топерича обо мне скажут?

— Потька, ты хде был стока времени? — из дома выскочил Никишка и явно неприязненно посмотрел на брата.

Вслед за ним из дома высыпали все Сухинины. Меж тем Никишка зло посмотрел на девицу за телегой и крикнул в адрес Марфы. — Эй, Парашка, ты чо тама делаешь?

Марфа удивленно выпрямилась и встала к нему лицом. — Парашка? А это кто еще такая? Почему Потька мне ничего про неё не сказывал?

И опять враг внутри начал нашептывать. — Мужики – оне все таки! Сначала говорят: «Ты у меня одна!», а потом оказывается, у него еще есть какая-то Парашка!

И у Марфы от ревности кулаки сжались, а глаза стали колючими. Когда она такими глазами глянула на Никишку, тот даже чуть не упал, попятившись назад.

— Ой, я обозналси! — пробормотал он виновато. Но и в этих словах Марфа услышала некоторую радость Никишки. — Ты, братка, прости! А как эта тута оказалась?

Но своё дело он уже сделал: Марфа начала злиться и ревновать. Лицо её покрылось пятнами, желваки заходили туда-сюда.

— Она со мной! — твердо и спокойно произнес Потифор, вставая между Марфой и братом так, чтобы девушка оказалась у него за спиной. Неожиданно он увидел копейку у ног Никишки и поднял её. — Ты чо енто деньгами бросаешь?

— Каки таки деньхи? Не моё! — фальшиво – испуганно произнес Никишка и начал шарить по штанам. Но когда он в штанах обнаружил дырку и Потифор это заметил, то разом покраснел и виновато обернулся к отцу. — Не моя она!

И, чтобы восстановить своё положение, напустился на Потифора.

— Ты! Да ты знаешь чо?! Ить эта в Поханке-то сына управляющева ухробила! Ишшуть ея! — и Никишка ткнул в Марфу пальцем.

Он хотел добавить, что не совсем угробила. Но подумал. — И так сойдет!

Внутри Потифора кто-то мерзкий и холодный стал шептать. — Дурень! Ты кого на груди пригрел? Змеюку? Ты глянь на неё: красивая, ладная. Кажон мужик её захочет! А ты? Думаешь, она тебе верной женой будет? Ошибаесси. Гони её отседова каленой метлой! И штоб духу её здесь не было!

Он вспыхнул и замотал головой, вспомнив, как они пели песни, и как им было хорошо. В это время уже кто-то другой в нем произнес. — Ну, и чо? С кем не бывает? Ить не сама жа. Сволочей-то вокруг вона скока!

От страха Марфа замерла на месте. — Не уж-то угробила? Совсем?! Ох, горюшко-то, горе! Как жа топерича мене быть?

И глаза её с мольбой обратились к Потифору. Только он и мог быть теперь её защитой. Но тут что-то в душе её взметнулось.

— Он. Он сам мене насильничал! Вот и вдарила! — попыталась объяснить она все Потифору со слезами на глазах.

— Аха, созналася, созналася! — закричал радостно Никишка, показывая на Марфу пальцем.

Но не договорил: кулак Потифора больно ударил его в нос

и зубы. От этого удара Никишка отлетел на пару шагов назад и упал.

Но тут же вскочил, выплевывая кровь вместе со слезами. — Ты. Ты. Ты хад! Ишшо своё получишь!

— Убью! Убью всякого, кто её тронет! — прохрипел Потифор и закрыл Марфу своей широкой грудью.

Всем сразу всё стало ясно: Потифор Марфу так просто никому не отдаст!

— Ой, господи, да чо ж тако топерича будить! — запричитала Меланья: упертый характер своего старшего сына она хорошо знала.

— А ни чо. Ни чо не будить. Жанюся я на ей! — угрожающе произнес Потифор и оглядел всех родичей. — Тока пушшай кто тронет замужню бабу, убью!

И уже спокойней, повернувшись к отцу и матери, произнес. — Батя, маманя, енто моя Маруся! Любите её, как меня.

И, повернувшись к Марфе, вывел вперед и поставил перед родителями рядом с собой.

— Это, Маруся, папаня мой родной — Мардарий Тимофеев Сухинин!

Марфа ничуть не удивилась, увидев большого длинноногого сутулого мужика, очень напоминающего самого Потифора. Тот подошел, не спеша, к ней и заглянул ей в глаза. Марфе даже не по себе стало от такого испытывающего взгляда, она отвела глаза и поклонилась ему.

Мардарий тоже поклонился ей, затем посмотрел в глаза

сыну и ничего не сказал. Так и отошел в сторону, уступая место своей жене.

— А это, Маруся, маманя моя! — ласково представил мать Потифор — Меланья Иванова Сухинина.

Марфа даже улыбнулась, увидев, как похожа маленькая сухонькая женщина на своего сына. — Ну, надо же, как похож!

И сходство это было не столько внешним, сколько внутренним. Стоило ей заглянуть в глаза матери, как она тут же увидела и её преданность мужу, и заботу, и любовь.

Но, вместе с этим прочиталось и другое. — Учти! Я здесь. И этот дом под моей охраной. И если ты захочешь когда-то навредить кому-то из моих детей — разорву!

А Марфа ей. — Не бойся меня. Я Потифору не враг! И никогда им не буду!

И длился-то этот немой разговор всего — ничего, а они поняли друг друга и мирно улыбнулись. Марфа с большим удовольствием поклонилась в пояс ей. А когда выпрямилась, то снова увидела глаза матери, в которых был вопрос. — Не ошиблась ли я в тебе?

И улыбнулась уже, как дочка.

— Маруся, ну а Никишку ты уже знаешь. — Потифор показал на встававшего с земли брата, зверем смотревшего на него исподлобья и вытиравшего кровь. Мириться он явно не собирался. Мало того, плюнув в землю сгустком крови, он махнул на всё это рукой и пошел прочь на улицу. — Ты не

обращай на Никишку вниманья. Он у нас шабутной! А вот енто – Авдюха.

Тринадцатилетний подросток босой в штанах и простой рубахе с заплатами, смущаясь, вышел вперед. Что-то неуловимо приятное исходило от него, и Марфа невольно улыбнулась. Авдюха, как стоял с опущенной вниз головой, так и продолжал стоять всё это время. Потом так же тихо ушел, заняв место возле отца по правую руку, а его место заняла девочка, такого же роста, как и Авдюха.

— Агафья! — сама представилась она и, лукаво взглянув на Марфу, протянула ей руку, как взрослая, и улыбнулась.

Марфа с удовольствием пожала ей руку. Агафья тут же отошла к матери, предоставив место для еще одного члена семьи. Это был мальчик лет пяти, который тут же засмутился, оставшись совсем один.

— А енто наш последний – Евсюшка! – улыбнулся Потифор, видя, как Агафья за руку потянула к себе брата: он и сам из братьев больше всех любил Евсюшку. Проводив его взглядом, повернулся к Марфе. – Ну, чо стоишь? Проходи. Здеся топерича и твой дом!

Агафья и братья будто только и ждали этих слов. Они наперебой кинулись к Марфе, облепили её со всех сторон и начали трогать сарафан, руки, волосы. Потифор им не мешал, пока не увидел некоторое недовольство Марфы. Показав им, чтобы расступились, он ввел её в дом, а сам пошел распрягать лошадь. Отец и мать пошли тоже в стойло, но за

тем, чтобы получить ответ на самый важный вопрос. — Как быть дальше?

— Потифорушка, чо-то уж очень тревожно у меня на душе! — мать первая не выдержала тягостной паузы. Меланья подняла на сына свои чистые глаза и взяла за руку. Мардарий молча мял в руках сено, забыв отдать его лошади: уж очень важный вопрос им придется сейчас решить.

Потифор посмотрел на мать и ничего не сказал.

— Потифорушка, сынок, ты пойми нас с отцом. Ить мы не против тово. Жанися на здоровье! Внуков нам роди! — она вздохнула, не решаясь сказать главного. Слезы показались в её глазах. — А ты подумал о Марусе? Она-то не знат наших законов!

— Ты об чем это, мать? — стараясь походить на отца, баском спросил Потифор. Он волновался, чувствуя, что допустил где-то ошибку.

— Да об том, сынок, об том. — Меланья вздохнула и присела на ближайший ящик. — Ты ж должен был знать: в Балашовском уезде запрещено жаниться, ежели ты в армии не отслужил!

Потифор вздрогнул: этого он действительно не знал, да и никогда не спрашивал отца об этом. Решение жениться у него пришло впервые и мгновенно, как способ выручить Марфу из беды. Посоветоваться с отцом времени уже не было. А тут!

— Это не всё. Даже ежели ты женисси, то жену твою, пока

ты в армии, запрещено брать и оставлять в нашей семье, как нарушительницу тово закона!

— Да чо енто за закон такой? — возмутился Потифор. — Рази можно гнать бабу из дому, коды муж службу несет? Куды ж ей тоды иттить, ежели окромя мужа у неё никого нетути?

— Да ить и это не всё. — Мардарий посмотрел с жалостью на сына, зная, что наносит ему самый большой удар. — Тебя тот час заберут в армию, а у нас четыре с половиной десятины новый староста Курятников оттяпаеть!

— Да чо ж енто такое! — взревел Потифор: всякое упоминание об урезке земли тотчас приводило его в бешенство. — Чо ж топерича вовсе не жанитьси?

— Ой, сынок, и не знаю! Иди к своей любушке, а мы с отцом будем думу думать, как с умом всё это повернуть! — и мать взяла Потифора за руку, как брала когда-то в детстве, чтобы упокоить не в меру разбушевавшегося сына.

Однако, стоило ему выйти во двор и увидеть Марфу, окруженную братьями и сестрой, как все беды разом забылись. Что делать, Потифор был отчаянно влюблен!

— Тетка Меланья, а Потифорка уже приехав? — звонкий девичий голосок заставил Марфу тут же взглянуть на дверь, в которую уже входила девушка-подросток лет тринадцати.

Сердце её зыграло от ревности. — А енто кто ишшо така? Почему это ей нужен Потифор?

И Некто жестокий властно начал нашептывать. — Смот-

ри, Маруська! Не так уж и надежен твой будущий муженёк! Не успела ты выйти замуж, а его уже спрашивает какая-то девка! Разве он тебя достоин?

Не успела Марфа найти аргумент в защиту Потифора, как тот же Некто начал нашептывать ей, но уже другим голосом. — Да плюнь ты на всё! Здесь, как и там, в Поганке, никто тебя не понимает! Пойдем туда, где всех любят! Там ты будешь своя.

И тут же прежним голосом. — Не верь мужикам, не верь! Вспомни, сколько вреда ты от них имела! Полагайся только на себя!

И Марфа подозрительно осмотрела каждого и, особенно, пришедшую девушку. Агафья и братья подошли к ней, оставив Марфу одну на крыльце.

— Парашка, тебе Никишка искал! — крикнула Агафья, подходя к ней, и тут же начала шептать ей на ухо все новости, изредка поглядывая на Марфу. — Слышь! Ты даже не знаешь, какие тут у нас новости. Потька-то чо удумал: жонку с собой с Поганки привез!

— Как енто. Привез? — растерялась Парашка. Её светлые волосы от того, что она, не веря в это, замотала головой, растрепались. А зеленые глаза даже потемнели от расстройства. Дело было в том, что Парашка давно заприметила старшего из братьев и приходила к подруге чаще всего из-за этого. Однако на неё саму глаз положил Никишка, ревновавший ее к Потифору. — Иде ж вона?

— А вон! — и Агафья пальцем показала на Марфу, ревниво прислушивающуюся к разговору подруг. Внутреннее недовольство положением, в котором она оказалась, нарастало.

Меж тем, Парашка, увидев Марфу, расстроилась еще больше: по сравнению с ней будущая жена Потифора была просто красавица. Слезы невольно навернулись на глазах у конопатой конкурентки Марфы, нижняя губа выдвинулась и она, повернувшись к дверям, тихо вышла, на ходу размазывая по круглым щекам набежавшие слезы.

Марфа торжествовала. — Вот тебе! Знай меня!

Но почему-то победа не радовала. И тогда Некто опять начал. — Брось! Пусть знает наших! Ишь ты, хотела мужика увести, да не на ту напала!

И Марфа зло усмехнулась в спину уходящей Параше.

Однако торжество ее было недолгим: громкий стук в дверь ворот заставил Мардария подойти к ним и открыть их. Потифор, почувствовав опасность, быстро подошел к Марфе. И не напрасно: в открытую дверь вошел староста Курятников и двое городских. Вдали Мардарий увидел Никишку и погрозил ему кулаком, зло сплюнув на землю: он всё прекрасно понял.

— Та-а-акс, Потифор Сухинин?! — хоть и обращался Курятников к Потифору, но смотрел во все глаза за Марфой. — Сообщаю вам. Пришло времечко иттить в армию!

И не успел тот ответить, как староста мотнул головой го-

родовым. Те, как послушные псы, разом кинулись к Потифору и начали выкручивать ему руки.

Потифору такое поведение по отношению к нему в присутствии Марфы не понравилось. Гнев, красной краской окрасив всё его лицо, ударил в самое сердце и голову. И он с силой оттолкнул одного, потом другого городского. Повернулся к Марфе и крикнул. — Маруся, не думай! Я не омманывал тебе. Я не знал про армию! Да и не пойду я ни в какую армию! Хучь убейте!

Не ожидавшие такого сопротивления городовые вновь кинулись на Потифора, свалили на землю и, скрутив руки, начали вязать их веревкой. Потифор, как раненный бык, брыкался и разбрасывал их до тех пор, пока сопротивление не оказалось бесполезным.

Марфа кинулась было на одного из городских, чтобы помочь Потифору, но тут староста громко крикнул ей. — А ну, стоять, Марфа! Ты, Марфа Косова, объявляесси убивцей!

Все так и замерли: уж слишком нелепым было это объявление.

— Как енто убивцей? — прохрипел Потифор от натуги изпод сидящих на нём городских.

— Как? Вы разве не знаете? Вот ента девка – Марфа Косова, из деревни Терновка Кирсановскова уезда. Прошу любить и жаловать! — почти издевательским тоном произнес староста Курятников. — Уж я-то её хорошо знаю! Ишшо с детства. Долго жил с ней в одной деревне. И поведению хоро-

шева ента особа николды не имела. А позавчерась она убила сына управляющшева в Поганке. Вот так-с! И топерича вся полиция уезда её ишшет!

— Как же так, Маруся? — прохрипел Потифор, ища ответа. И обреченно заплакал. — Ты чо, меня омманула?

— Усё правда! И не омманывала я тебе, Потифор. Не успела сказать! — Марфа замерла, лихорадочно соображая, как быть дальше.

— Маруська, беги! — этот голос Марфа хорошо помнила еще с детства и мгновенно узнала сейчас, с надеждой бросив взгляд в сторону щели дверей, из которой слышала его. — Акимка! Но, как он здесь? Бежать, надо бежать!

И её моментально сдернуло с места. Туда, где выбивал в заборе доску Акимка. Как вихрь пронеслась Марфа мимо него, так и не успев ничего ему сказать. К тому же городовые, бросив лежать на земле связанным Потифора, хотели наброситься на сына старосты, но не успели, Обернувшись, Марфа увидела, как Акимка и Никишка, налетевший на него сзади, катаются в пыли дорожной, и побежала к Хопру.

Она слышала топот стучавших сапог городских за спиной и бежала быстрее ветра. Однако на незнакомом берегу Хопра Марфа на некоторое время заметалась в поисках удачного схода к реке и городовые её почти настигли. Лихорадочно заработали мысли, ища выход. — Прощай, Потька! Прощай, свобода! Нет, я ишшо поборюся!

Именно тогда и прыгнула она с крутого берега вниз, в чи-

стые воды Хопра!

Чем сильно озадачила и старосту и городских. Когда же они подбежали месту, откуда Марфа прыгнула в реку, никого уже ни в воде, ни на этом, ни на другом берегу не было.

— Утопла дефья! — с сожалением произнес один из городских. Он перекрестился и вытер пот со лба: лезть в воду и искать непутевую девку очень не хотелось. Да и быстрого бега для его тучной фигуры уже с лихвой хватило. Второй городской, глянув на товарища, мгновенно его понял и поддержал. — Точно, утопла!

Только Курятников усмехнулся, однако ничего не сказал: зная её деревенские подвиги, он не верил в то, что Марфа могла утонуть. В их речке эта заноза вытворяла такие кренделя, что этот прыжок мог считаться просто забавой. Глянув на ожиревших городских, решил, что пусть все так и будет. Сейчас его больше интересовала земля Сухининых.

Стражи закона повернулись и пошли к дому Сухининых. Когда же за ними захлопнулась дверь ворот, Курятников оглядел всех домочадцев: Мардарий с Меланьей и детьми сидели на крыльце, обреченно дожидаясь приговора старосты. Никишка прибывал на место доску. Акимки уже не было, а Потифор по-прежнему лежал на земле со связанными руками.

— Та-ак-с, слушай сюды! Потифора Сухинина отправить в армию! — строго произнес он, мотнув головой городovým, чтобы подняли Потифора с земли. — А у тебе, Мардарий,

весной я заберу четыре с половиной десятины земельки! В общинный фонд, понял?

Мардарий со слезами на глазах обреченно мотнул головой и вздохнул. Тем временем городовые подняли Потифора с земли и толкнули в сторону ворот.

— По-о-ти-фору-у-шка! — запричитала Меланья. Слезы рекой теки по её щекам. Она раскинула руки, чтобы проститься с сыном, но Агашка, Авдюшка и Евсюшка еще раньше стрелой метнулись к брату и облепили его, оттеснив городовых. Они плакали, обнимали и целовали на прощание любимого брата. Когда же мать подошла к сыну, они расступились, давая им проститься.

Меланья прижалась к телу первенца без слов: словно в жутком сне вихрем пронеслись все годы его жизни. Но к своему удивлению она обнаружила, что для неё он так и остался тем самым первенцем – маленьким ребенком, с которым ей было так трудно! И вот теперь он уходил. Возможно, навсегда. Перекрестив его, трижды поцеловала и тихо отошла, давая очередь проститься отцу.

Мардарий молча плакал, не стесняясь вытирать слезы рукавом рубахи. Это был его любимый сын. Первый. Опора. Все надежды в жизни он связывал с ним. Честный, прямой. Хороший работник и заботливый брат. На него смело можно было оставлять хозяйство и не бояться, что работу никто не выполнит. — Никишка? Нет, это балбес с большими запрсами. Авдюшка? Посмотрю! Евсюшка? Этот мал!

И мысли его вновь вернулись к старшему сыну. — Эх, Потифор, Потифор! Ну как же ты так?

Но тут же сам и оправдал его. — Любовь! Тут ничего не попишешь! А сам-то я каков был? Весь в меня!

Он обнял сына, посмотрел ему в глаза своими, разом потерявшими часть жизни, глазами, поцеловал трижды в щеки и назидательно сказал. — Служи сын своему Отечеству как положено! Чтоб ни я, ни мать не краснели за тебя!

Так и не сказав ему всего того, что хотел, он отстранился, давая возможность городovým исполнить свой долг.

— Эй, слышь! — Потифор повернул измазанное землей и слезами лицо к одному из городových. — Иде она?

— Утопла! — чуть слышно ответил он и подтолкнул парня к дверям.

Потифор, услышав ответ, опустил голову на грудь и обреченно пошел впереди городového. Лишь один раз он поднял свою большую вихрастую голову, и кулаки его невольно сжались. Никишка юркнул за столб ворот и больше не показывался. Однако и там он услышал слова брата. — Ежели вернусь, убью!

Городовые, приняв его слова на свой счет, толкнули в спину так, что он чуть не упал, а Курятников, приняв его слова на свой счет, тихо перекрестился и прошептал. — Чтоб ты сдох. Там!

Никишка, увидев, как с братом обошлись городовые, усмехнулся и прошептал ему вслед. — Ох — ха, поживем —

увидим! Топерича я старшим над братьями осталси.

Он прекрасно понимал, какие преимущества это давало, а то, что вместе с отправкой старшего брата в армию у них урезались четыре с половиной десятин земли, его волновало мало. Даже наоборот: работать много он не любил.

Когда же Марфа с разбега прыгнула в воду, она быстро погрузилась почти на самое дно, чтобы её не видели сверху. Так она уже делала, когда играла в прятки на реке. С силой, работая руками и ногами, она устремилась вниз по течению, рассчитывая достичь ветельника, далеко склонившегося над рекой.

В этот раз секунды, которые она пробыла под водой, ей показались целой вечностью. И все же, понимая, что сейчас подвергается самой большой опасности, держалась из последних сил, чтобы достичь этого дерева. И только тогда, когда весь запас воздуха закончился, она осторожно всплыла. И тут же уперлась головой о ветки, склонившейся над рекой.

— Господи, спасена! — подумала она и вдохнула большую порцию воздуха, не переставая пристально наблюдать за всем, происходящим на берегу.

Городовых и старосту она увидела очень быстро.

— Утопла дефья! — в этот раз голос городского для нее звучал как песня спасения. Из-за своих веток, стоя на дне, она могла безбоязненно наблюдать за ними и не быть обнаруженной. Видела городских и старосту.

Не нравился ей староста Курятников. — Вот, сволочь! Хо-

рошо хоть Акимка подсобил, а то ба ентот упек. Как пить дать, упек ба!

Видя, как староста и городовые пошли обратно, она перекрестилась, но решила еще подождать. — А вдруг залегли и ждут в засаде?

Минуты шли, меняясь часами, а Марфа всё сидела в своём убежище. Руки и ноги уже замерзли, но выходить было еще страшно.

Но тут ей пришла в голову мысль. — А что если выходить не туда, где она спрыгнула в воду, а в другое место, ниже по течению?

И даже удивилась, почему такая простая мысль ей не пришла в голову сразу же. Оттолкнувшись от дна ногами, она поплыла, дрожа всем телом вниз по течению, чувствуя, что силы кончаются. Но плыла и плыла в ставшей уже холодной воде, пока кустарник не закончился, и появилось место, где можно было бы выйти на берег.

Деревня осталась с краю и Марфа упала в высокую траву, чувствуя, что кашель начинает сотрясать всё тело. В какой-то момент всё куда-то поплыло, тело налилось свинцом и стало тяжелым.

Все же она слышала легкие шаги, шорох травы и насторожилась. Когда на тропинке появилась та самая девушка-подросток, которую она видела у Потифора во дворе, пальцы сжались в кулаки. — А-а, соперница?! Ты у меня шаз получишь!

И нащупала палку рукой. Но тут же, вспомнив все, что случилось во дворе Сухининых, отбросила её. — Да кака она топерича соперница? Потифора забрили в армию. Я сбежала. А Никишку она сама, кажись, боитси! Да и ревет чо-то она. Небось, он её, как Ванька меня!

Что-то теплое ворохнулось в её душе. Но тут она вдруг услышала её слова. — Ма-ма, ма-а-мочка, иде жа ты? Ну, зачем жа ты так? На ково мене оставила-а-а!

Девушка всматривалась в каждый изгиб берега и искала мать. Марфа еще раз внимательно всмотрелась в девушку. — Нет, это не Никишка. Тута чо-то не то.

Неожиданно она сама вспомнила, как ей самой вот так же было плохо, когда она осталась одна без матери. Слезы навернулись на глаза. И Марфа сама бы разрыдалась, да не могла себе этого позволить: ведь она теперь как-никак находилась в засаде! Проглотив соленые слезы, скатившиеся в рот, беглянка уже смотрела на бывшую соперницу с нескрываемой теплотой и сочувствием.

Тем временем девушка прошла мимо, так и не заметив спрятавшуюся Марфу.

— И усе-таки надоть помочь ей! — подумала она. — Ну, как така пичужка поташшит свою мать одна? Мене и то, вона, Потифор помогал!

Вспомнив о бескорыстном поступке Потифора, она улыбнулась и чуть не рас-плакалась. — Эх, Потька, Потька. Видать, не Судьба нам быть вместе! Тебя в армию забрили, ме-

ня по лесам гоняють! Эх, бедная я, сиротинушка разнесчастная! Хоть и баба ничаво.

Вытерев рукой слезы, решила. — Уходить надоть куды-то! А куды? К Нарышкиным? Дак управляющий, зараза, припомнит сына! В город? Моgetь и в город. Он ить большой, не так заметно! Вот дефьке помогу мамку отыскать и подамси. А там, уж как получится!

И Марфа вышла из своего убежища.

— Эй, дефья! — крикнула она негромко и огляделась на всякий случай по сторонам. — Ты ково-то ишшешь?

— Ой! Это же ты была у тетки Меланьи. — сначала испугалась Параша, а потом удивилась и обрадовалась, увидев знакомое лицо. — А чо тута?

— А ты чо. Ничо не знашь? — ехидно спросила Марфа, внимательно смотря за глазами девушки, чтобы сразу же определить для себя. — Врёт она ей или нет? Но девушка, к удивлению и радости Марфы, взгляда не отвела. — Похоже, не врёт!

И Марфа немного успокоилась.

Но Некто внутри неё настойчиво твердил ей. — Не верь ей! Омманет тебя, как Потифор! Мужики все такие!

И Марфа решила подстраховаться на всякий случай. — Ну, раз не знашь, то и не надо! Ты чо, мамку потеряла?

— Потеряла! — захлюпала носом девушка. Слёзы с новой силой потекли по её щекам. — Как ушла за хворостом утром. И усё. Нетути!

Марфа сама себе удивлялась: невольню эта конопатая невзрачная девушка-подросток своей непосредственностью и искренностью притягивала её к себе и вынуждала оказывать помощь в поисках матери. Даже чувство опасности не смогло остановить.

— Не реви, найду твою мамку! — почти приказала ей Марфа, внимательно оглядываясь по сторонам. — Так, погони нет. И в засаде никто не сидит — всё чисто. Знать, конопушка не врёт!

Невольню в голову пришло одна странная мысль: ещё тогда, когда она пряталась в ветельнике, ей еще показалось, что у берега находится что-то подозрительное, похожее не то на бревно, не то еще на что-то. Разбираться тогда у неё времени не было, а вот сейчас почему-то она об этом вспомнила.

— Слышь, как тебе? — Марфа сама сомневалась в этом, но всё же решила поделиться этой странной мыслью с конопушкой.

— Параша. Так мамка звала! — опять захлюпала носом девушка.

— Енто кто ж ты? Параскева? Да не реви ты! Кажись, знаю, иде она. А моет и нет! — Марфа уже сама сомневалась и начала сердиться на Парашу. — Вот, зараза. Опеть лезть в воду! Моgetь плюнуть? Пушшай сама ишшет?

Но тут Параша с надеждой вцепилась в руку Марфы. Это и решило все её сомнения: шагнув вперед, она решительно направилась к тому месту, откуда прыгала в воду, почти таща

за собой девушку.

Там, у ветлы она и остановилась, снова засомневавшись. — Ну, вот, на хрена мене усё енто надоть? Пушшай сама лезет!

— Ты плавать-то можешь? — с последней надеждой спросила она, желая спровадить в воду конопушку.

— У – у! — отрицательно замотала головой та. — Мало – мало...

— Черт, и чему вы только тута учитесь! — проворчала Марфа и обреченно полезла в воду: теперь почему-то она уже не сомневалась в том, что видела в ветельнике именно труп женщины. — Но той ли? Моgetь, напрасно лезу в воду?!

Она легко добралась до того места, где видела странный предмет, и довольно хмыкнула, угадав в нем труп женщины. Схватив её под мышки, потащила к берегу, до крови обдираясь острыми ветками, к месту, где ждала её Параскева.

Чем ближе подтягивала Марфа труп женщины к зеленому краю берега, тем сильней причитала и плакала девушка. Уставшая и измученная Марфа, теперь нисколько не сомневавшаяся, что это и есть мать девушки. На самом верху она поскользнулась и упала на траву, в последнем рывке вытащив труп наверх.

Хоть Марфа и видела, как Параскева обнимает и целует труп матери, ей в это время было все равно: от смертельной усталости, голода, холода и недавней стычки с городовыми у неё просто не осталось сил, чтобы посочувствовать девушке.

Она лежала на спине и безучастно рассматривала листву и кусочки неба. Дрожь колотила её, сотрясая всё тело, заставляя зубы стучать друг о друга.

Постепенно силы начали возвращаться к ней. Посмотрев на бледную Парашу, усмехнулась. — Вот-вот, подруга. И ты топерича узнаш, как быть сиротой! Ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер!

Но тут её Некто ввернул свой вопрос. — А, может, и не сирота она вовсе? Есть, отец, братья, а ты ей помогаешь, как последняя дура!

Забурлила кровь в жилах Марфы, заставляя возвращаться к действительности. И, подняв голову, она спросила. — Слышь, подруга, отец, братья, сестры у тебя есть?

Но Параскева отрицательно стала качать головой.

— Знать сирота ты топерича! — жестко произнесла Марфа: даже сама удивилась, почему именно в таком тоне всё сказала. — А ведь не хотела! А чо? Пушшай топерича при-выкат! Один хрен, скоро так все её называть будут.

Вздыхнув, поднялась. — Ну, чо, подруга, давай поташшим твою мать отседа!

Требовательно спокойный тон её голоса подействовал на конопушку как приказ. И Марфа с удивлением и радостью вдруг обнаружила, что Параша упирается из всех своих сил, помогая тащить мать к себе домой. Трудная работа разогрела Марфу, однако уже у самого края деревни она остановилась.

— Ты чо, Марусь? — удивилась Параскева: она не знала

всего того, что приключилось с её напарницей. По тону её вопроса Марфа еще раз в этом убедилась и решила не рисковать.

— Не могу я иттить в деревню! — просто ответила она и с удивлением для себя самой честно призналась. — Полиция меня ишшет! Я в Поганке сына управляющшева прибила. Сволочь он. Гад ползучий. Снасильничал меня. Вот я и отомстила!

Параскева от удивления даже рот раскрыла.

— Ну, дак ты ж ево за дело! — принимая сторону подруги, решила она. — Оне, мужики-то, вона каки паразиты бывают! А ты не боись: у мене схоронисси! Хоть сколь живи!

Параскева, выпустив руку матери из своей, выпрямилась и поднесла ладонь ко лбу, рассматривая каждую деталь в поисках людей на соседних огородах и на своём.

— Вон наша хата! — она показала на старенькую небольшую саманную постройку на самом краю деревни. Сама хата покосилась и вросла в землю, а сараи были готовы вот-вот развалиться. — Иди туда. Прячься за плетнем близко к земле. Никто тебя и не увидит!

— А ты? — вопреки всему Марфа сейчас была рада, что именно её встретила и не поддалась своему внутреннему голосу.

— Топерича я и сама доташшу. Как- нидь! — вздохнула Параскева и, взяв труп матери под мышки, задним ходом сделала несколько шагов к дому и остановилась, взглянув на

всё еще стоявшую на месте Марфу. — Иди, Маруся! Я тут
сама.

И Марфа, согнувшись, юркнула в зеленую ботву картош-
ки. Затем по меже возле плетня направилась к хате. За ней,
кряхтя и останавливаясь, тащила труп матери Параскева.
Там в сенях и положила её на старый сундук: в хату заносить
побоялась, а сени заперла на палку. И не напрасно: громкий
стук в дверь испугал их обеих.

— Эй, Парашка, открывай! Ить знаю, ты дома! — Никиш-
кин голос Марфа узнала сразу же и нащупала рукой желез-
ную клюку от печки. И выскочила бы, чтобы отомстить еще
одному оскорбителю, да Параскева приложила палец к гу-
бам, давая ей знак, чтобы та не шевелилась. Никишка потоп-
тался, потоптался, стукнул еще раз ногой в дверь и крикнул.
— Один хрен, никуда ты от мене не денисси!

Никишка ушел, недовольно ругаясь от ревности.

— Параша, я завтра уйду! — тихо сказала Марфа. — Енто
гад меня сразу выдаст! Енто он продал Потьку старосте! Из-
за него Потьку отправили в солдаты!

Параскева ничего ей не ответила, но Марфа всё же заме-
тила, как у хозяйки сжались пальцы в кулаки, а на скулах за-
играли желваки.

Перекусив, они попытались уснуть, но из этого ничего не
вышло: так и проговорили всю ночь. Долго и обстоятельно
рассказывала Марфа подруге всю свою жизнь. И то, как жи-
лось ей одной без матери, как на себе она прочувствовала,

что такое безземельная сирота. Как пришлось научиться отбиваться от назойливых мужиков, пожелавших немедленно воспользоваться её беззащитностью.

Параскева сидела и согласно качала головой, понимая без слов свою подругу. Рассвет она встретила с большим огорчением: разом повзрослев от потери матери, теперь она теряла еще и подругу.

Попрощались они на рассвете с первыми петухами. С узелком харчей и крынкой молока, нырнула Марфа в огород к Хопру, чтобы обойти краем Малиновку. Отношение к деревне у Марфы сложилось двойное: с одной стороны, встретив Параскеву, как соперницу, она нашла в ней самую лучшую подругу. Здесь жила семья Потифора. Здесь оказался и её друг детства Акимка. А с другой стороны, нашлись враги, такие как Никишка и староста Курятников.

Так окончательно и не определившись, в теплой Парашинной кофте и с харчами, шла Марфа по дороге в Балашов, абсолютно не представляя, что там её ждет.

8.

Начало третьей декады августа 1896 года, г. Балашов.

Телега, под которой спала Марфа, принадлежала Елпидифору Максиму Тараканову зажиточному крестьянину из деревни Малиновка. Еще вчера, подобрав Марфу у Котовраса, он сам предложил довести её до Балашова. По иронии Судьбы Елпидифор, помимо овощей на продажу, вез письмо Падовскому управляющему Розенбаху от старосты Курятни-

кова, у которого и состоял в платных осведомителях.

Сам же Елпидифор, бородатый мужик пятидесяти пяти лет, еще до Курятникова верой и правдой за соответствующую оплату служил тайным осведомителем его предшественнику, в прошлом году перебравшемуся в Балашов на управление товарной лавкой к прежним господам. Елпидифор больше всего на свете мечтал стать купцом, как и его прежний покровитель, с которым он не терял связи и сейчас. Будучи человеком относительно грамотным, Елпидифор умел читать, писать и вести счет деньгам, кои любил более семьи и старался занять любым способом.

Именно в силу этих обстоятельств, Елпидифор Тараканов не преминул прочесть письмо своего нового хозяина. А в этом письме староста Терентий Сазонов Курятников немного – немало выражал большое сомнение в том, что разыскиваемая девица Марфа Косова утонула в Хопре, как определились городовые. Поэтому он и давал её описание с предложением назначить денежное вознаграждение тому, кто поможет изловить оную преступницу.

Ещё до Котовраса, когда Елпидифор нагнал одиноко бредущую Марфу, у него появилось подозрение. Увидев, что приметы её сходились с теми, которые описал Курятников в письме, он понял, что эта девица и есть та преступница, за которую может быть назначена хорошая награда. Чтобы награда не ускользнула из его рук, он и предложил ей место в телеге.

И вовсе не из лучших чувств, как предположила Марфа, которой теперь все тревоги казались позади. Даже то, что Елпидифор дал ей немного сена под телегу, она отнесла его к таким людям, как Параскева.

Марфе снилась вода Хопра, в которую она прыгала, зеленая трава и ветки ветлы. А еще Параскева с матерью, которую они тащили домой, сучок, за который она зацепилась своим сарафаном и порвала его, а потом сидела голая долго зашивала. А утром, приняв из рук Параскевы узелок с пищей, долго прощалась с ней.

Марфа проснулась и потянулась: сон на свежем воздухе не только укрепил её, но и вселил некоторую надежду: закончились кошмары. — А это значит? А это значит, что начинается новая жизнь!

И Марфа улыбнулась.

Она выползла из-под телеги и подошла к костру, у которого уже хозяйничала толстушка – жена Елпидифора Манефа. Марфа сходила к Хопру и умылась. Довольная хорошо начавшимся днем, девушка не заметила пристального взгляда Елпидифора.

А с первыми петухами они уже въезжали на рынок, где Манефа и Марфа, которой Елпидифор пообещал заплатить за работу торговкой, должны были продавать картошку, редьку, лук и зелень. Сам же Елпидифор, пробежавшись по рынку, указал им цену на их товары и пошёл по своим делам.

Марфа даже удивилась, как у неё споро пошла торговля

на рынке. Улыбаясь покупателям, привлекательная девушка громко нахваливала свой товар. Это нравилось и мужчинам и женщинам, которые в основном и ходили по рынку. Не проходили мимо и щеголевато одетые молодые люди, обязательно долго балагурили и покупали что-нибудь. Но таких было немного: картошка, лук и редька мало их интересовали.

И она бы была всем довольна, если бы не испражнение, сделанное какой-то птичкой и попавшее ей на плечо. Хотя и убрала его немедленно, но настроение было безнадежно испорчено. К тому же, пока она это делала, к ней незаметно подошли двое городских и пристав, а позади — отец Ванечки Розенбаха вместе с хозяином телеги. Руки её были быстро скручены и связаны. Последнее, что увидела Марфа, были деньги, которые отсчитывал Елпидифору Розенбах-старший.

— Чтоб ты сдох, предатель Елпидифорка! — крикнула Марфа. — Я ишшо вернуся! И вы усе мене за енто заплатитя!

Тут её руки так стиснули и подняли вверх, что они хрустнули в плечевом суставе, резкой болью ударив по сердцу Марфы так, что у неё чуть сознание не помутилось. Кто-то из городских тихонько толкнул её под зад коленом. Она так шла и думал. — Вот те и новая жистя! Дура я, дура! Низзя никому верить! Ух, как я мужиков таких ненавижу! Ну, обождитя!

А через месяц поезд увёз Марфу на каторгу.

Начало третьей декады августа 1896 года, Медвежий Куст, подсобное хозяйство женского Покровского монастыря.

Смарагда, обнимая верную Маруську, горько плакала: после того, как она выдохнула своё «Да!», таким образом подтвердив, что угорела и перепарилась в бане, всем снова стала безразличной. Её горести и переживания никто не считал оправданными. Винить в своём происшествии стало некого, кроме себя, а Фелицата и Саломия вышли сухими из этой истории.

Вот и скрывалась она, то в келье, то еще где-нибудь, стараясь быть одной. Постепенно приходя к выводу, что виновата во всем только она сама, Смарагда потихоньку начала сходить с ума. — А были ли казаки? Вроде бы были. А вроде бы и нет! Баню топила? Топила! Матушки её парили? Парили! В воде купали? Купали и чаем поили. Да, сама во всём виновата!

Смарагда лежала на тахте в своей келье и безучастно смотрела в потолок.

— Как быстро всё изменилось! — она тихо заговорила сама с собой, оценивая своё новое жилище: после изнасилования Саломия выделила ей новую келью и не разрешила ходить на работу. — Почему-то не разрешают ходить на работу. Хорошо это или плохо? Не знаю. Может и хорошо. Всё едино никого не хочу видеть! Ни сестер, ни саму Саломию.

Даже молиться не хочется. Слава богу, Саломия не заставляет работать!

Невольно она поймала себя на мысли, что больше не называет сестру-хозяйку «матушкой Саломией», а просто по имени, которое ей теперь ни о чем не говорило. Даже Маруся не помогала: появилось какое-то отвращение ко всему тому, что собой олицетворяла её верная Маруся.

Хуже всего было то, что это отвращение прочно поселилось в душе. Даже сами мысли перестали быть активными: ей почему-то ничего не хотелось. Ни есть, ни пить, ничего! Открытые глаза, неподвижно уставившиеся на серый потолок, почему-то не видели его, а серый цвет только помогал ей быстрее входить в это безразличное состояние. Однако внутри её ещё жил кто-то неутомимый.

— Как же так получилось? — этот Кто-то никак не хотел сдаваться и оставлять её в том блаженном состоянии. Он безжалостно сверлил её мозг своими вопросами. — Ведь ты же любишь трудиться, играть с Маруськой, делать то, что должно, а не то, что хочется?!

Но в Смарагде как будто поселились два разных Кто-то.

— Не слушай его, он тебе враг, раз не дает испытывать это блаженство! — второй кто-то, сладкоголосый, дающий блаженство покоя, начал переубеждать её. — Плюнь ты на всё то, что требует он! Ведь это зов в тот никчемный мир, который так жестоко отнесся к тебе. Здесь я тебя понимаю, а там? Никто! Мало того, разве люди оценили то, что ты тво-

рила вокруг справедливость? Делала добро людям? А они? Тебя просто и жестоко изнасиловали, а представили как угар в бане! Скажи, где она, справедливость? Разве тот, кто это сделал с тобой, понес наказание? Ну, отхлестал их плеткой есаул. И всё? За то, что тебе всю жизнь сломали? Какая же теперь ты монашка? Что ты можешь принести в дар Господу нашему? А сестры Фелицата и Саломия? Ведь это они пригласили этих казаков, пили с ними вино и хотели париться с ними в бане. Разве это не разврат? Разве они не сеют разврат на земле? А были ли они за это наказаны? Нет! А ты, чистая и справедливая, почему-то оказалась их жертвой. Честь твоя поругана, воля сломлена, тело изгажено. Так что ж ты сберегла для Христа? Или ты с этим не согласна?

Горячая горько-соленая слеза скатилась по её щеке.

— Но ведь и она сама виновата: нельзя же быть такой беспечной и слабой в этом мире! Нужно сопротивляться до конца. — заговорил первый Кто-то. — Смарагда, верь: Бог накажет виновных! Мир вовсе не так жесток и несправедлив. Но пришла тебе пора научиться выживать в нем, а это не просто! Без испытаний невозможно совершенствование души: Бог всем нам дает испытания по силам. И ты переживешь, если изменишься. Не следует обижаться на себя за то, что оказалась слабее. Прости врагов своих, облегчи душу!

— Не слушай его, не верь словам этим! — опять взялся за своё Сладкоголосый. — Что ж он тебе не помог спастись, защититься от насильников? Или тех, кто обманул всех? Да-

же и не пытайся что-то изменять в этом мире: никто и ничего в нем не изменит! Пусть объяснит, почему ты никому не нужна? Почему тебя ни к кому не пускают? С деревьев опадают листья, трава зеленая желтеет и жухнет. Люди растут и умирают. Каждый шаг нас приближает к могиле, так стоит ли бороться, стараться выживать в этом несправедливом мире. Зачем тебе опозоренное тело? Ведь ты теперь не сможешь быть «девой Христовой», как когда-то хотела! Плюнь на этот мир людишек: пей самогонку, как многие это делают втихаря. Вспомни, как тебе было хорошо, когда ты выпила целый стакан её!

И Смарагда вспомнила то блаженное состояние, в котором не было места тревоге и унынию: Саломия потом еще несколько раз угощала её этим напитком.

— Ну, чо ж ты? Это ведь так просто: надо встать и пройти в дверь Саломии! А там в шкафчике несколько бутылок благодатной жидкости. — уговаривал Сладкоголосый. — Возьми одну! Плюнь на всё! Пойдем в мир, где тебя все любят и ждут! Иди!

И Смарагда, шатаясь, вышла из своей кельи, прошла смело в келью сестры-хозяйки Саломии, нашла шкафчик, открыла и прямо из горла бутылки стала вливать себе в рот крепкую вонючую жидкость.

Однако, не успела она выпить и стакана, как была поймана сестрой-хозяйкой. Та, недолго думая, отобрала бутылку, покачала укоризненно головой и отвела Смарагду на прежнее

место. А ключ от закрытой кельи положила себе в карман.

Смарагда же, блаженно улыбаясь, легла на тахту и захрапела, как будто ничего не случилось. Проснулась она после обеда с сильной головной болью. Но еще больше её испугала нечто другое: ей казалось, что она – молоденькая пушистая сосенка. Чьи-то жестокие руки сознательно и против её воли, смяв всю её невинность и чистоту, ломают ствол прямо посередине. Эти руки совершенно не заботит то, что ей еще надо жить: они гнут и ломают ствол, повреждая её здоровые слои и сердцевину.

Теперь уже осталась лишь гибкая кора, которая пока никак не поддается врагу, сопротивляется, борется. — Ведь когда-то сосенка стремилась к неизвестному, благостному счастью быть «Христовой невестой». А теперь? Ствол и нежная древесина верхних веток её поруганы, сломлены, а путь к прежнему счастью навсегда закрыт! Как быть? Стоит ли ей, молодой пушистой сосенке дальше жить?

И сердцевина ствола её, надломленная, почти уничтоженная, но всё ещё живая, всё же тихо, едва слышно твердит своё. — Надо жить! Ты еще отрастешь, ведь остались у тебя, сосенка, корни и нижние ветки!

Словно человек, которому на бегу поставили подножку и он упал, разбившись о реальную жизнь, Смарагда замерла, не в силах ответить на свой же вопрос, поставленный ей кем-то очень сильным, находящимся внутри неё.

Неожиданно осознав все, что действительно случилось с

ней, и, оказавшись не в состоянии ответить себе на вопрос, она, как чумная встала и побрела, шатаясь, из кельи в сторону Елани.

Там, на берегу реки нашла камень и уселась на него. Долго вглядываясь в медленно текущие воды реки, она искала ответа на свой главный вопрос. — Как быть? Стоит ли дальше жить?

Пасмурное небо, ровным серым цветом окрасив себя, равнодушно смотрело на девушку. Рыбки опустились на дно и даже не гонялись за мошками, устроившими праздник себе почти у поверхности воды, и безучастно поглядывали на них и человека, сидевшего на берегу. Ветер затих, перестав волновать поверхность воды. Казалось, что природа ждет, какое решение будет принято девушкой, пришедшей к омуту, и не собирается вмешиваться в её дела.

Смарагда потрогала камень, на который присела. — Большой. Как раз подойдет. Прямо до дна дотащит!

Но тут же почувствовала, что какой-то предмет мешает ей дотянуться до камня другой рукой.

— Маруська? — удивилась и обрадовалась Смарагда. — Ты чо, доченька? Не хочешь? Не позволяешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.